

АНАТОЛИЙ АЛЕЙЧИК

НА ОСТРИЕ
МОМЕНТА
КАЖДОГО...

Стихотворения

Москва
2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
А 45

А45 Алейчик А. А.
На острие момента каждого... : стихотворения. —
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 336 с .

ISBN 978-5-00095-618-2

Новая книга Анатолия Алейчика позволяет читателю вновь ощутить всю глубину поэтического мира автора, лауреата литературных премий имени А. П. Чехова, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, обладателя Золотой Есенинской медали, кавалера орденов Г. Р. Державина, «Золотая Осень» им. С. А. Есенина, «Светить всегда» им. В. В. Маяковского, лауреата подмосковной литературной премии им. Е. П. Зубова. В данную книгу вошли стихи последних лет, в которых лирико-философские мотивы произведений иногда перекликаются с нотками ироническими. Эта книга будет интересна как уже знакомым с творчеством автора читателям, так и впервые открывающим для себя палитру его поэтических образов.

© А. А. Алейчик, 2018
© Оформление
ИПО «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-618-2

Кремлёвцу
Алейчик А. А.
автору этой книги
с пожеланиями в воссоединении
Усенков и Удалов.
генерал армии
А. А. Барсуков
15. 12. 2017 г.

Свой жизненный путь после окончания средней школы я начал, поступив в Московское высшее общевойсковое командное ордена Ленина Краснознамённое училище имени Верховного Совета РСФСР. Мы, курсанты, хотели видеть себя в будущем, конечно, генералами. Учёба была не из лёгких, поэтому старались поддерживать друг друга в непростых ситуациях обучения. Да и время было такое – все были в равных аскетических условиях. Одна столовая, общая казарма, спортзал, Ногинский учебный центр (полигон), где мы постигали искусство тактической, огневой подготовки, химической защиты и вождения боевых машин. Вместе готовились к парадам на Красной площади и успешно демонстрировали всему миру идеальную «коробку» батальона при прохождении строевым кремлёвским шагом мимо правительственных трибун, ведь мы были кремлёвцами.

Многие из нас по окончании училища служили в разных странах, прошли войну в Афганистане, дослужились до полковничьих и генеральских погон. Один из них мой – сокурсник Михаил Иванович Барсуков, российский государственный и военный деятель, генерал армии, директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации (1995 – 1996 гг.). На последней встрече по случаю 100-летия училища в декабре 2017 года в Государственном Кремлёвском дворце нам были вручены юбилейные медали и памятные знаки «Кремлёвцы». Все мы – одна большая дружная семья. И памятная надпись с пожеланием этой книге успехов Михаила Ивановича Барсукова для меня не просто строки, а очень важная морально-этическая составляющая, которая предвдвряет мою новую книгу.

Приходит момент, когда ты хочешь сказать что-то людям и в первую очередь самому себе. Беря в руки перо, понимаешь всю ответственность, которую ты принимаешь на себя. Оно и понятно: хочется донести свои мысли, чувства, образы до читателя. Любое стихотворение — это часть меня, и всем этим, зачастую очень сокровенным, я пытаюсь поделиться с читателем, побудить его к размышлениям на ту или иную тему, возможно, даже какой-то фразой подсказать ответ на давно волнующий его вопрос. В этот момент наступает единение автора и читателя, и если это удаётся, то и желать-то большего нечего.

Любой человек проживает свою жизнь со свойственным только ему пониманием каждого прожитого момента, оставляя в душе самое значимое, и зачастую не всегда светлое. СТОП! Я, кажется, интуитивно понимаю, что именно сейчас выкристаллизовалось название книги. А что если это будет выглядеть так: «На острие момента каждого...». Какое же состояние или мгновение безоговорочно и точно можно назвать находящимся на острие? Пожалуй, это не только те неординарные ситуации, о которых не принято поминать всуе, мимоходом. Необязательно наиболее ключевые, переломные, знаковые, сокровенные моменты нашей жизни — от рождения до взросления, венчания и до... самой смерти. Тем более для человека пишущего, пытающегося и готового в любое мгновение, на каждом вздохе и выдохе ощутить всю или хотя бы какую-нибудь остроту каждого момента жизни. Равно как в написанном мной стихотворении о снайпере, у которого в прицеле, на острие мушки находится жизнь че-

ловека. А что может быть дороже жизни человеческой, состоящей из множества мгновений, каждое из которых может стать последним?

Поэтические строки, которые доступны вам в этой книге — результат долгого труда, размышлений, бессонных ночей. Но в них есть моя обнажённая душа, душа человека, воспринимающего мир во всех его проявлениях, что называется, «на разрыв аорты».

В моём сердце каждое стихотворение — это как собственное дитя, и я со всей душой буду стараться объяснить, что и такое поэтическое произведение имеет право на жизнь. Вот строчка объясняющая это: «Неужто стих, рождённый с браком, не живши, должен умереть». Также я надеюсь, что и у меня появится свой читатель, который выразит мне признательность и понимание.

В заключение этих почти исповедальных строк хочется пожелать всем, кто взял эту книгу в руки, доброго чтения и призвать строго не судить автора за возможную спорность тех или иных суждений и умозаключений.

Анатолий Алейчик

КАНВА ЖИЗНИ

* * *

Надену старую рубашку,
Напялю джинсы, сяду в кресло,
Окно открою нараспашку,
Чтоб не было дыханью тесно.

И пенье птиц заворожило,
И листьев шум меня баюкал,
И утренний покой (не живость)
Объял меня, как храма купол.

Я предавался б созерцанью,
Мечтам и помыслам огромным.
Своей собаки порицанью
И прочим чувствам неуёмным.

* * *

Неправда, что я стар — и глуп,
Лишь потому, что слово «старость»
Несёт понятия — печь, тулуп
И плеч сутулую усталость.

Но есть в ней — мудрость, разум, толк,
Земных надежд и бед принятье.
Кто знает, молодость — цветок?..
А может, йскус и проклятье?..

* * *

Раздумья предвечерние
Перетекают в ночь.
Не сплю, и мысли скверные,
Не могут мне помочь.

Где боли несусветные,
Готовы жизнь украсть.
Хочу в одежды светлые
Облечь и рвань, и грязь.

Под звёзд вечерних россыпью
Я в думах и борьбе..
Рассвет тяжелой поступью
Шагнул в окно ко мне.

Янь и Инь

Летит в безветренной тиши,
Земли крылами не касаясь,
Та часть души, моей души,
Которой дорожу, не каюсь,

А только чувствую полёт
Покалываньем в подреберье.
И верю в неземной исход
Объяввшего её неверья.

И сердце ёкает в груди,
Надрывно в спазмах горло воет,
И мечется душа среди
Любви и нелюбви, и стонет.

И стон перетекает в хрип,
И рвётся пламень чувств из глотки,
И сердце рушит нужный ритм,
И Янь восходит в Инь молодки.

* * *

Боюсь я Каина, но больше —
Его поверженного брата.
Он после смерти много горше
Принёс печалей, как расплату

За то, что Каина не смог
В момент убийства взять за локоть,
А для себя нашёл предлог
В припадке биться, горько охать.

А после, на колени встав,
Просил уже себе пощады
И не убит был, клятву дав
Солгать, разбойнику в усладу...

Я жив остался, но боюсь,
Что Каин всё ж меня зарежет,
Как Авеля, за кротость уст,
Всё повторится, как и прежде.

* * *

Мне нужен стимул, чтобы жить,
Мне жить до óдури охота,
Возьмись меня приворожить,
Девнца с глянцевого фото.

Тогда я буду знать — тебе
Я жизнь свою вручу, как знамя,
Усердным буду я в труде,
Чтоб ладилось всё между нами.

И не смотри, что сед как лунь,
И в жизни многое выдавший —
К твоим ногам сиянье лун
Я брошу, устали не зная.

И пусть тебя не укорит
Никто за это дерзким словом.
Я знаю множество молитв
И ты постигнешь их основы.

А коль опасность перейдёт
Черту дозволенной границы,
Знай, за тебя всегда умрёт
Тот, кто учил тебя молиться.

* * *

Сверкнула звезда и упала вниз,
Закончив свой путь недолгий.
А голубь облюбывал мой карниз
В доме с видом на Волгу.

Спрятал голову под крыло
И спит, как дитя в люльке.
Ветром с крыши снега смело,
Падают вниз сосульки.

Весна, на кого теперь попенять.
Нахохлился голубь хохлатый.
Страшно не спать и страшно спать
В доме, ветрами объятom.

* * *

Мои строки с привкусом полыни
Кто захочет к сердцу принимать?
Видимо, с рожденья и поныне
На моей душе беды печать.

И не в небо я могу стремиться —
Только вниз, сквозь твердь земли во ад,
Где грехами вылеплены лица,
И моей личине каждый рад.

Но смолы кипящей злые капли
Мимо пролетают, в никуда.
Оттого мне горько всё — не так ли?
Этот крест вручён мне навсегда.

* * *

Не бейся, птица, о прутья клетки,
Ты только грудь себе расшибёшь
О сталь калёную — ты, что с ветки,
Вбирая воздух, сквозь боль поёшь.

Возможно, в клетке — сродни с судьбою,
Ты тоже что-нибудь да споёшь,
Но песня будет уж не такою,
В ней радость воли ты не найдёшь.

Не бейся, птица, разбив грудину,
Ты можешь к вечеру умереть,
А я желаю твоей судьбине
Пусть через слёзы, но всё же петъ.

Свечи жечь и ждать...

На сердце непокой, и, напрягая нервы,
Зашкаливает пульс и тремор рук с лихвой.
Снег выпал в ночь и заморозил веру
В мою любовь нетленную с тобой.

Тебя я ждал вчера, сегодня, верно, буду,
Как очумевший, свечи жечь и ждать...
О! Этот снег, он саваном повсюду,
И от его объятий не сбежать.

Рассвет стремится огненной птицей
Порвать оцепенений череду,
А я шепчу: «Люблю, люблю сторицей!»
Хоть больше слёз, чем действий, изведу.

Над бровью венка синей змейкой вздулась,
Листает память дни в немом кино,
Последний вздох и странная сутулость
Сидящего на стуле лбом в окно.

* * *

Смотреть на мир и видеть чудо
Равно, что дважды два четыре.
А что слепому делать люду —
Отгадку ту искать в эфире,

Ловить восторженные звуки,
По поводу красоты всеместной?
Но жизнь без зренья — это муки
И наказание небесное.

За что? А кто же это знает,
Глухой от самого рожденья?
Иль тот, кто мир не осязает —
С момента в этот мир явленья?..

* * *

И всё-таки прекрасно жить на свете,
На небе солнце видеть, воздух пить
И вволю очаровываться этим,
Взаимно и безудержно любить.

Как всё-таки прекрасно знать, что нужен
В своей квартире, в доме вся и всем,
И нашей улице, и даже — луже,
После дождя улегшейся во сне.

А всё-таки прекрасно знать, что в мире
В устойчивом спокойствии живёт
Душа твоя и в собственной квартире,
Что в доме том, где счастье тебя ждёт...

Как всё-таки прекрасно жить на свете
И ежечасно восторгаться этим!

* * *

По билету в зал киношный,
В рай, поверь, мне не попасть.
Будет денно там и ночью
«Зайцев» караулить власть.

Ангелы с повязкой красной —
Ох, как стрóги в службе той.
И конец всегда ужасный —
В Ад! — с кипящею смолой.

Не пытайся, не проскочишь —
Должен быть в руке билет,
Вытканый из дня и ночи,
В коем блики звёзд и свет.

А такой незря даётся,
Его надо заслужить
Тем хотя бы, что придётся
Жизнь за это положить.

Не неволь меня

Я стою в дому́, только дверь нараспашку,
Только сердце в комок от предчувствия бед,
Я стою в дому́, дух гуляет тяжкий
От того, что давно уже дед.

И себя спросить, что в колодец крикнуть,
Ведь в ответ — только мой вопрос.
Я давно уже схож с иконным ликом,
И ответ тот в чело моё врос.

Не неволь меня откровеньем харкать
И не сдавливай горло тоской,
Я стою в дому́, а над домом плакать
Будет дух неприкаянный мой.

* * *

Ни в нынешнем, ни в будущем году
Я не вернусь к тебе, ты это знаешь.
Всё так же ребятишки на пруду
По зелени уснувших лилий-клавиш

Ладошками с остраткой молотить
До осдури, до посиненья будут.
И только нам друг друга не любить,
Как прежде, жить в объятьях пересудов.

И ты всплакнёшь, а следом, может, я.
Ведь было, чёрт возьми, когда-то было —
И любящая крепкая семья...
Но всё, как в том пруду, покрылось илом.

* * *

Не приносите ссору в дом,
Она вокруг всё разрушает.
И что вам делать с ней потом?
Она Добро со Злом смешает.

Что было лучшего у вас,
Она бесстыдно уничтожит
И если надо — вынет ножик
И разобьёт иконостас.

Не надо в дом с собой нести
Слова, наполненные злобой,
С её безмерною утробой,
Где мир и счастье не в чести.

* * *

В распахнутые окна дома
Распахнуты десятки глаз.
И что увидеть им такого,
Чтоб удивиться хоть бы раз?

Но нет, всё так, как было прежде,
В текущем веке и былом:
Глаза банальной сценой режет
Простой домашний бурелом.

Тарелки бьются с тяжким звоном,
Проклятий выброшен каскад...
Глядят глаза, а окна оным
«Прочь убегайте!» — говорят...

И те бегут, прикрывши веки,
В объятья окон, но своих...
Чтобы другие человеки,
Скорбя, смотрели в души их.

* * *

Сегодня бы мне заплакать
От злости и боли в рёбрах,
Упал я на землю, в слякоть,
Под ноги «людей добрых».

Но их доброта ослепла
От поиска мест надёжных,
В которых без тлена и пепла
Остаться в живых можно.

А я, возлежа в луже,
Подняться не думал даже,
Мне становилось хуже,
Мне становилось гаже.

И только руки касанье
Почувствовал я на запястье,
И голос стальной — приказанье
Я счёл за рычанье пасти,

И выругался зло и грязно.
И выкрикнул в небо: «Довольно
Мне испытаний, разве
Не чувствуешь, Боже, – мне больно!»

* * *

Не надо руку поднимать
Вам на больного пса,
Ведь злом не может отвечать
На зло его душа.

Любите так, как любит он,
Не помнящий обид,
Кто жизнь за вас отдать готов,
Как может быть побит?

Когда приходите домой
Грустны, на ваш звонок
Бежит с поникшей головой,
Чтоб лечь у ваших ног.

Когда умрёт, уткнувши нос
В израненную плоть,
Вас совесть всколыхнёт до слёз,
Что гнев сорвать и побороть
Помог ваш добрый пёс.

* * *

Не принимайте к сердцу те слова,
Которые вас чем-либо смущают,
И пусть всегда и всюду голова
Такое разумом своим не принимает.

Оставьте возражение пустым,
Пустое место ничего не стоит.
И пусть на вашем сердце хлад и стынь,
Зажмите губы, не было бы стона.

А если уж прорвёт — и на куски
Всё ваше равновесие разрушит,
Ругайтесь матом, бабы, мужики,
И пусть обидчик ваш обмякнет, струсит.

* * *

Нет прекраснее дней и ночей,
Когда мысли и чувства в порядке.
И от белых халатов врачей
Убегаешь стремглав, без оглядки.

Нет прекраснее дней и ночей,
Когда сердцем любимая рядом,
И ты плаваешь в ласке очей
И волос испиваешь каскады.

Нет прекраснее дней и ночей,
Когда ждёшь окончания срока
Своей жизни. Но в чаде свечей
Воскресаешь в объятиях Рока.

* * *

Никто никогда не заставит тебя
Достоинством собственным поступиться,
Хотя б и сведут твою плоть до нуля,
До пёрышек певчей, но умершей птицы.

Никто не позволит себе хохотать
Над той, что когда-то царила в небе,
Имела возможность парить и летать,
И между высотками видеть стебель.

Ничто не позволит тебе быть иным,
Ты — совесть земная и веры мерило
Ты — Божьего Сына по образу — сын
И таинств небесных — незримая сила.

* * *

Мой старый пёс, твой век недолгий,
Течёт он рядышком со мной,
Конечен он, но будет Волга
Века играть седой волной.

Меня не станет. Сын мой дедом
Веленьем жизни назван будет,
Пока тот путь ему не ведом,
Но Волга это не забудет.

Волной своей века играя,
И внуков будет знать седыми,
Бегущая от края к краю,
Единым цветом вместе с ними.

Потомков цепь по воле Бога
Прерваться может в миг любой,
Но вечно будет мать-Волга,
Резвясь, играть седой волной.

* * *

Следить за тем, как ты уходишь
В осенний ливень на ветру.
За абрисом, что в точку сходит,
Легко стекая по стеклу.

И, сознавая окончанье
С тобою нашего пути,
Пuls бьётся с силою отчаянной,
И губы шепчут вслед: «Прости».

Кто хуже был из нас — не ведаю,
Но я во всём корю себя.
Не смог я сладить с теми бедами,
Тебя безудержно любя.

Важней свобода или бденье,
Известно Богу одному.
Когда узнал грехопаденье
Твоё, и у меня в дому...

О, это страшное явленье!
Зачем испытывать судьбу?
Измена хуже умерщвления
Телес. Она — любовь в гробу.

Плавно спущенный курок

Когда в прорезь прицельной планки
Впорхнула игривая мушка,
С сердцем чужим вровень,
То удержи дыханье,
Останови сердце,
Ибо точность прицела
Зависит и от дыханья,
И от толчка сердца.
Только тогда будь уверен,
Что оборвал дыханье,
Остановил сердце
Бывшего человека
На острие мушки.

* * *

Ствол, стрельбою раскалённый,
Перестал стрелять – плевать.
Стал свинцом, хоть сам калёный,
Мог, как штык, мишени рвать.

Да, ему нужна отдышка,
И нужна отдышка мне,
Но с дозорной дальней вышки
Пулемёт, ярьась в огне,

Хочет, ох, как сильно хочет
Рикошетом, но достать
И мои больные почки,
И израненную статью.

Я умолк и в землю втиснул
Худобу своих костей,
Две минуты, третья — выстрел!
С вышки вниз летит злодей...

* * *

Под крышей старенького дома
Слепила ласточка гнездо.
Ей было всё вокруг знакомо
И мило сердцу от и до.

И даже кошка, взгляд бросая
К её жилищу, не могла
Спугнуть её с «кусочка рая»,
Где пташек птица берегла.

И время шло, птенцы выросли,
И прочно встали на крыло,
Но только я не встал с постели,
И видел, глядя сквозь стекло,

Как пацаны, достав рогатки,
Стреляли в хрупкое гнездо...
И сыпалась гнездовья кладка,
И жизнь сужалась точки до.

* * *

По полям, лесам, оврагам
Ночью волчьи стаи бродят,
Жрать им хочется, беднягам,
Голод их в дорогу гонит.

Им любая плоть сгодится —
Лошадь, пёс иль человек.
Ночью эта стая мчится,
Дождь идёт иль сыплет снег.

Но им егерской уловки
В эту ночь не избежать,
Долго будут бить винтовки
И подрáнков добивать.

Старость и смерть

Протóренной дорогой в лес бежать
И обжигаться росною прохладой.
Такая прелесть, никого не ждать
И утром наслаждаться сердце радо.

И грохаться с разбега в сонный пруд,
И кувыркаться там без остановки,
И не страшиться, что к тебе придут
Две старые незваные плутовки.

Одну назвать легко, вся жизнь ведь в ней —
То старость, поражённая артрозом,
А вот вторую называть не смей,
Её коса — всегда твоя угроза.

* * *

Стремительность в поступках
Не может верной быть,
В любое время суток
Держись за смысла нить.

Не делай прежде дело,
Последствий не узнав,
Быть безрассудно смелым
Возможно лишь во снах.

А взвесив «за» и «против»,
И видя в этом толк,
На алый ротик плоти
Аскезы кинь платок.

* * *

Сегодня ни к чему ругаться
И поминать Владыку всеу,
Пришла пора навек расстаться,
Храня любовь былую втуне.

Пришла пора, заткнувши уши,
Прикрыв глаза до рези в веках,
Себя сквозь землю вниз обрушив,
Купаться в чёрных, мёртвых реках.

Пришла пора познания Леты
И душ своих в объятых неба,
Тех, что никем не обогреты,
Обугленные Солнца светом.

А я её любил когда-то,
Да и она меня любила,
Но вот пришла прощанья дата
И нас навеки разлучила.

* * *

На острие момента каждого
Я проживаю жизни, зная —
Поэта не хоронят заживо,
Ни ада не сулят, ни рая.

Я жду строки почти евангельской,
Вплетая мудрость Соломонову,
Не нахожу, и голос ангельский,
Звучит, перемежаясь стонами.

Вживаясь каждой буквой в строчку,
Болею сердцем и душой,
Я не могу поставить точку,
Мне строчка кажется живой.

А строчка, словно что-то хочет
Ей лишь известное сказать,
И всё бурлит в ней и клокочет,
То плакать жаждет, то плясать.

Пусть строгий критик скажет важно,
Что я неправды поле жну...
На острие момента каждого
Я умираю и живу.

* * *

Понтонный мост. Кричащий шум машин.
И галок, что машинам этим вторят,
Крикливый обзор ведут с вершин
Пирамидальных тополей у моря.

И переправы этой громадьё
Вода едва колышет, без напора,
И верит в штиль беспечно вороньё,
И верят спящие в туманах горы.

А вдруг не так зальётся горизонт
Свинцовым гневом, что так жаждет плоти,
Взбесившейся волны раскрытый рот
И мост, и тополя в себя проглотит.

Канва жизни

Стежками мелкими усеяна
 Канва под нашими ногами,
 Вот и постель уже застелена,
 И царствует Любовь меж нами.

И полнится шажками детскими
 Всей шириной своей канва,
 И первыми балами светскими
 Так изобилует она.

Вдобавок юркими внучатами
 И лапами былых собак,
 А также кошек с их котятами
 И тем, что счесть нельзя никак.

Придёт и мой стежок последний,
 Прощальный, белую канвой
 Спеша войти в мой дом наследный,
 Землёй пропахший и смолой.

* * *

А путь ни близок, ни далёк —
 Конечен, но исход — невидим,
 Он пёстрой лентой в землю лёг,
 И поначалу безобиден.

И топчешь ты босой ногой
 Свои незрелые годочки,
 Потом твой шаг уже иной,
 И знает боль от каждой кочки.

И шага широту не мерь,
 Когда настанет время спада
 Твоих стремлений: час потерь
 В секунде каждой — сплошь и рядом.

И самый неизбежный шаг —
 Последний, лишь бы до постели,
 И меркнет свет — и вот он прах
 В уже холодном мёртвом теле.

* * *

Старайся быть приятным
Во всём, а лучше — всем,
И не бубни невнятно
О лёгкой взрезке вен.

Тебя понять не смогут
Ни люди, ни врачи,
Не удивятся слогу
И скажут: «Помолчи!»

Будь до конца приятным
Любому и любой...
Глотни вина изрядно
И вены себе вскрой.

* * *

Всем, кто меня когда-то знал,
Любил, делился сокровенным,
Звал в дом, делил со мной вокзал,
Сшивал порезанные вены —

Последнюю копейку в долг
Ссужу, не требуя возврата...
А видеть кто меня не мог,
Как Каин праведного брата,

Я, наклонив чело, скажу:
«Любил я всех, и тех, и этих.
И высшей святости служу —
Плодить Любовь на белом свете.

А посему кладу поклон
Седой главою в твердь земную,
Тебе я кланяюсь, и ОН
Пусть знает — слов не трачу всеу.

Я ваш, я всех и вся любя,
И буду — до скончания века —
Любить любого человека,
ЕГО за дар благодаря!

ОЖИДАЮ В ТИШИНЕ...

* * *

Зябко телу, а щёки горят,
 Будто кто-то вlepил мне пощёчину,
 За дела, за слова — говорят,
 И с пристрастием, сильно очень.

Я давно уж, как рыба, нем,
 И в делах — слабак, да и только.
 Так пощёчины мне зачем?
 Никакого не будет в них толка.

Вот сижу я и щёки тру,
 Бицепс трогаю и не верю,
 Что сказать смогу поутру
 Что-то резкое, хлопнув дверью!

Ожидая в тишине...

Вверх смотрю, Луны не видно,
 Вниз смотрю, не вижу Землю.
 «Где я?» — крикнул. Так обидно,
 Что себе я сам не внемлю.

Что-то мягкое объяло
 Стать с макушки и до пяток,
 То ли это одеяло
 На кровати плоть распяло?

И тихонько закружило,
 И, движенье ускоряя,
 С болью, напрягая жилы,
 Пролетало мимо Рая.

Мимо всех Галактик тёмных,
 Притяженье сокрушая,
 Ни Земли, ни девок томных
 Мне взамен не предлагая.

И я падаю в пространство,
 Дна которого не видно.
 Где же небо, звёзд убранство
 И земля?.. Так дивно, дивно!

* * *

Были мы с тобой когда-то
До безумия близки,
Но летели в бездну даты,
Забелила жизнь виски.

Всё ушло — любовь и ласки,
Смыли из моей груди
Радость, радужные краски
Неприятя дожди.

Я стою один пред храмом,
Как когда-то с ней стоял.
Бог наш, видимо, недаром
Развестись нам право дал.

Сам себя кормлю на кухне,
Ожидая в тишине,
Счастье, подойди и стукни
В дверь убогую ко мне.

* * *

Когда-то я был беспшабашен,
А где-то и глуповат.
Но вот я подрос и стал старше,
И вовсе былому не рад.

Сейчас каждый миг я сверяю
С толковым понятием: «Прав!»
И только тогда шагаю
Вперёд. Если речка, то вплавь.

И только сейчас я вижу
Невидимый горизонт,
Он стал мне гораздо ближе
И виден во весь свой фронт.

И с верой, крестясь о мире,
Шагнул в его чёрную пасть,
Но подорвался на mine,
Чтоб Миру в Ад не упасть.

* * *

Боюсь я, или не умею
В своих ошибках признаваться.
И беспокойство этим сею
В своём мозгу лет эдак двадцать.

А мне уже седьмой десяток,
Давно разменян в этой жизни.
И как прожить её остаток,
Всеправым и без укоризны?

Умом созревшим понимаю,
Нельзя прожить, не ошибившись,
Но коли спросят — не признаю
Ошибок, мир весь удививших.

* * *

Не хочется себя ругать,
Но, право, есть же ведь за что.
Я защищал Россию-мать,
В Афгане ранен был, и что?

И от полученных щедрот
Из года в год тупею я.
И только Муза боя пьёт
От ран смертельного огня.

А я хочу писать о том,
Как зреет хлеб и пахнет тмин,
Как плачут птицы за окном
По выросшим птенцам своим.

Как, пролетая, самолёт
Крылом просторы серебрит.
Я жить хочу, писать о том —
Но Муза боя не велит.

* * *

В синеокую глубь упаду,
Растворюсь в ней до самой малости
И всем сердцем приму средю,
Слёз солёных её — нету сладостней.

Только звёздам дозволю гулять
Вокруг тела её упругого,
А поутру бросаться опять
В эту синь, называя супругою...

Уж давно отзвенела листва
На тропинках в лесах и парках.
Снег, который не знает родства
С жаром чувств на краплёных картах.

Обыграл, остудил, всё сковал,
От травинки до зябкой осины...
Только Бог мне на откуп дал
Во спасенье глаза её синие.

* * *

Песня так в душе клокочет
Соловьиная моя,
Будто быть во мне не хочет,
В рощи ей бы да в поля.

Изливается так плавно,
Просит слёзно отпустить,
Я открыл окно, и славно
Моей песне в песнях жить

Всех других пичуг и пташек.
И, вливаясь в звоны их,
Я увидел, как мне машет
В радости мой скромный стих.

В зеркальном отражении воды...

В зеркальном отражении воды
Твоё изображение трепещет,
И волны лижут свежие следы
Твои и, серебром играя, блещут.

Они в тебя влюбились, как и я,
Как солнце, как беспутный тёплый ветер,
Как берега реки, леса, поля,
Как всё и вся вокруг тебя на свете.

А ты, играя пепельной косой,
Вокруг себя природу оживляешь,
И стройной ножкой, розовой, босой,
С речной волной безбоязно играешь.

И золотой загар, округлость плеч
И грудь, что топик обтянул беспечно,
Кого угодно за собой увлечь
Способны в этой жизни скоротечной.

Года, века не в силах отобрать
Твою красу, она была и будет,
Она моя жена, сестра и мать,
И за неё я кулаком и грудью.

И кажется мне, что ещё чуть-чуть —
И я склонюсь к речным рябящим струям,
Готовый грудью воздуха вдохнуть
Пред неприлично долгим поцелуем.

* * *

Пугающе прощалось с нами лето.
 Над выцветшим жнивьем крылами били,
 Сбиваясь в стаи, журавли, и где-то
 Ступала осень неизбежной былью.

Тепло ветров заметно оскудело,
 И сок земли не баловал корней
 Лесов шумящих. И понятно дело,
 Ведь осень! Ну, а с ней шутить не смей.

Она последний листик обескровит
 И до травинки высушит луга,
 Предвосхищая стужу, всё накроет
 Покровом снежным, как зимы слуга.

И всё умрет, застыв в оцепененье,
 Трава, опавшая в свой срок листва.
 И ринутся дожди на них. Забвенье
 Наступит по законам естества.

И снег разбавит, а потом заменит
 Её потуги, с целью всё убить...
 И на ветвях никто уж не заметит,
 Что так хотело вечно цвести и жить.

* * *

Снести не в силах испытаний,
 Рать божья в них меня втянула.
 Я слаб, и не хватает знаний
 Мирить между собою дула

Врагов приставивших друг к другу,
 Источник неизбежной смерти,
 Не испытавших ни испуга,
 Ни боли в жизни круговерти.

И я слабеющей рукою
 В себя их дула направляю
 И говорю: «Господь со мною,
 За вашу глупость умираю»...

* * *

Тридцать дней я ждал приказа —
Отвести с высоты взвод.
Тридцать дней я до отказа
Закрывал всем трусам рот.

Тридцать дней — какая малость,
И, увы, величина,
Тридцать дней, ведь чья-то наглость
Издевалась как могла

Надо мной, над пацанами,
Что боялись видеть смерть...
Тридцать дней! Кто был там с нами —
Смог за день и поседеть.

* * *

Душа потеряла покой,
А где — и сама позабыла,
А я говорю ей: я твой,
С оставшимся на сердце пылом.

И я не оставлю тебя
Потерянную и раздавленную,
Мы вместе сумеем огня
Следы различать оставленные.

Отыщем их, ну а ты
Вдохнёшь в нашу общую душу
Мечту о покое души,
Обретши, мы тут же нарушим.

Просьба

Напиши мне письмо, сынок,
Пару строчек всего, не больше...
Как ты сам, как жена и внучок,
Как твоя скандальная тёща?

Да приехал бы, наконец,
Посмотреть на седого батю,
Да помог поменять венец
В твоей бывшей родимой хате.

Мать в могилке ухоженной спит,
Рядом дед и бабуля наша.
Только сердце всё чаще болит,
О годах и подумать страшно.

Но тебя не увидеть — страшной,
Чем треклятого ада лица.
Приезжай, наша встреча важней,
Чем в горячих слезах страница.

Другой

Не хули, не кричи, не брани,
От тебя я ни в чём не зависим.
Лучше душу ребёнка храни
И под вечер читай мои письма.

Я в них буду ласкать, целовать
И его и тебя, как иначе.
Наш ребёнок не должен узнать,
Что сердца отдалились и плачут.

И тебя я прошу, подтверждай
Все те строки, что крохе читаешь,
Пусть в душе его теплится рай,
И поймёшь — что сама обретаешь.

* * *

Предрекали мне судьбы разные —
От лампас генеральских до посоха.
И от лика благообразного —
До пьянчуги, что пьёт без просыха.

Нет, ничто и никем не угадано
Было в этих неумных пророчествах,
Стал я слов господином, как ладаном
Утешающим одиночества...

* * *

Я уже давно не тот, кем был,
Сердцем ходким, силой поостыл.

Взгляд мой много хуже видеть стал
Оттого, что, видно, жить устал.

Старость мне прибавила хлопот,
И всё больше их за годом год,

Дети отвернулись от меня,
Не приняв сегодняшнее «Я»,

Что тащил всю жизнь их круто вверх,
А сейчас поблёк, иссяк, померк.

Нет на тумбочке еды и нет воды —
Нет поддержки на момент беды.

Протекает час, проходит день,
Ночь свою развешивает тень.

А в соседней комнате народ
Празднует рожденья чей-то год.

Эту беспощадность толстых стен
Рву ногтями, слышно ль это всем?..

* * *

Не буду глядеть в тишину ночную,
Задёрну шторами глазницы окён.
Я там, за окнами, что-то чую,
И слышу нутром чей-то жалобный стон.

И, спотыкаясь, хожу по стенке
От ощущений невыносимых,
И разбиваю в ходьбе коленки.
А ближе к окнам — увы! Не в силах.

Давно б уснуть мне, погасла свечка,
Свет отключили за неуплату,
Но в сердце бьёт, как выстрел из Стечкина,
Зрчками сверкая — карлик горбатый.

Отпрянул к окнам — так жутко дома!
Горбун страшнее иль ощущения?!
Сквозь шторы в окно восхожу я к былому,
В мир всеобъемлющего очищения.

* * *

Удержать свою гордыню
В нужных рамках трудно очень.
Во грехе душа остынет,
Сердце вдруг закровоточит.

И, к иконе повернувшись,
Всей своею сутью хочешь
Ты избыть весь этот ужас
Надвигающейся ночи.

Мрак окутывает мысли,
Притупляет ясность взгляда.
Я прошу помочь мне в выси
Выйти из объятий Ада!

* * *

Старайся быть на людях незаметным,
Чтоб мимо твоего скользил их взгляд,
Туда, где был тебя куда приметней
Мужчина, дорогой надев наряд.

Пусть думают они, какой он видный,
По выправке военный иль боксер,
Богат, наверно — и слепому видно —
Он настоящий! Вовсе не позёр.

Но зря к нему направился мальчишка,
Для подаянья шапку протянул,
И взвешенность вдруг обернулась вспышкой,
И он ногой того мальчишку пнул.

* * *

В себе самом ищу подсказки,
Что надо сделать, а что — нет,
Купаю своё сердце в ласке,
Ищу мне надобный совет.

Но сердце просто так не сдастся,
Не внемлет трепетным словам,
Оно привыкло наслаждаться,
Тем, чем живём мы в действиях драм —

Укором, маятой и болью,
И чёрной злобой через край.
А тут совсем иная доля,
За йоту ласки — «вынь да дай».

Совет какой?! Зачем он нужен
Тому, в чьей клетке ты живёшь?
И ранен, и давно недужен,
И по большому счёту дружен
С мечтой — «соври!» И ты соврёшь.

И станешь жить с советом ложным,
Законы истины искать,
Пока сирена неотложки
Не даст, что отыскал, сказать.

* * *

Ничто с тобою не сравнится,
Моё желанье стать другим.
Мне б умереть и вновь родиться,
Желанным, плачущим, нагим.

И чтоб за мною не ходила
Потом всю жизнь моя беда,
И чтобы Родина любила,
Как я её люблю, всегда.

Тогда б не знал я боль утраты
Своих несбыточных надежд,
Войною кованые латы
И пуль, пробивших в латах брешь.

И жил бы долго и счастливо,
Но не случилось. Вот беда!
Сижу на лавке сиротливо,
Летят безликие года.

И никому-то я не нужен!
И даже самому себе.
А та, которой я был сужен,
Не прижилась в моей судьбе.

И для чего мне, Боже правый,
Просить себе иной удел?..
К утру, заметив след кровавый,
Лишь мой сосед о том скорбел.

* * *

Сколько вы с меня хотите
Получить за серость мозга?
Знаю я, что ваххабиты
Не получают куш с прогноза.

Нет отца, а мать в могиле,
И жены я не сосватал,
Сколько б вы меня ни били,
Нет сестры и нету брата.

Знаю, есть товар отменный
Подходящий для обмена.
Пуля в лоб мой непременно
Выкупит меня из плена.

* * *

Который год мне жизнь не в жизнь,
И сердце, словно птица в клетке,
Желает, чтоб, как в сказке, джинн
Открыл ей дверь к заветной ветке.

Где б можно было ей запеть
На всю округу трелью дерзкой,
И целый день эфир звенеть
Мог смехом искренним по-детски.

Хочу, чтоб так произошло...
От счастья сердце трепетало,
Желанная пора настала —
Добро в борьбе низвергло зло.

Богослов

Ты мне расскажи на закате,
 На склоне весеннего дня,
 Какой же была она стати —
 Девѳца «не для меня»?

И что в ней такого плохого,
 И что так прекрасно во мне,
 Что ты без единого слова
 Отвѳл ей местечко «на дне»?

Ведь я её даже не видел,
 Не то, чтоб сказать пару слов —
 Я ей, она мне. И в обиде
 Я на тебя, Богослов.

И что, в самом деле, за свойство
 Души моей знаешь ты сам,
 Что светлое Божие воинство —
 Оплот твоим странным словам?

Я жду, отвечай, не упорствуй.
 Я всё о себе должен знать,
 Гордыне моей не потворствуй,
 И незачем в лоб целовать.

* * *

Суждено быть меченым судьбой
 И осколок во плоти носить,
 Я давно наедине с собой
 Думаю, что рвѳтся жизни нить.

Чувствую ослабленность, и пот
 Заливает тело ни с чего,
 И ночами снится мне оплот
 Вечного пристанища. Чело

Разрывают думы — почему?
 Почему я меченый судьбой?
 И за что в защите, не пойму,
 Отказал хранитель-ангел мой?

* * *

Прибывший поезд опоздал
Всего на жалкие минуты.
Как волновался я и ждал
Тех рук любимых в неге муфты.

Ту, что подóлом промела
Красивых платьев души многим,
Ту, что свой путь ко мне вела,
Модельные сбивая ноги.

Я ждал. О, как я ждал её!
Глаза в надежде напрягая,
Я отдал бы на свете всё
За миг земным владенья Раем.

И вот, по глади рельс скользя
И скрип несносный издавая,
Идут вагоны, тормозя.
Вот дверь, где скрыто счастье, знаю.

О, мановенье белых рук,
Коснувшихся души и кожи!
О, ожидающее ложе!
О, горький эликсир разлук,
Хранящих нашу страсть, похоже.

* * *

Сын Аполлона я и Каллиопы,
И назван славным именем Орфей,
Вокруг меня все люди из холопов,
И просят — пой нам, а не хочешь — пей

Прекрасное вино и будь готовым
Чуть позже непременно нам пропеть
Про счастье и беду и так, чтоб Слово
Могло любого сердцем овладеть.

И согласился я, снедаем страстью,
Орфеем зваться, в душах всех царить...
Но вот вино, ведь не было б напасти,
Так смог бы я Орфеем петь и быть.

* * *

Мне сладко жить с тобою вместе,
Считать тебя женой своею,
И целовать нательный крестик,
Да так, как я один умею.

Содвинув трепетные перси
С крестом, меж ними с нежной силой
Искать губами то, что вместе
Во Храме нас соединило.

И исходить от счастья плачем,
Свои же слёзы иссушая
С сосков тугих. О, как же значим
Мне поцелуй земного Рая.

* * *

Моя Олешка! Где ты, Диво?
Что воплотилось в образ девы.
Кротка как лань, лицом красива,
В душе прижился Бог, не демон.

Как часто, закрывая очи,
Я вижу гибкий стан и руки,
Сплетение их нежно очень
На шее — это счастья муки.

Но нет тебя со мною рядом,
И я в объятьях не задушен..
Олешка! Воздух стал мне ядом,
И тишина пронзает уши.

* * *

Я не буду восторгаться
 Всем увиденным. Понятно.
 Ведь восторг, он может стать
 Вовсе и невероятным.

Мне важней всего отметить
 То, что сердце взволновало,
 О, невиданные эти
 Горки Яхромские. Мало

Что ли, их по всей России,
 Потеряешь в раже счёт,
 Но все знают стойкость, силу
 Перемилловских высот.

И глядишь ошеломлённо
 Вниз по спуску, на канал,
 Там, отвагой удивлённый,
 Русским воинством сражённый,
 Не прошел в Москву и встал
 Генерал Манштейн хвалёный.

Дивный стан

Вчера я дивный стан приметил,
 В толпе, красавицы молодой.
 Ей юбку рвал бесстыдный ветер
 И похотливою рукой

Всё ближе к бёдрам подбирался
 И, обнажая стройность ног,
 В неистовстве вдруг обрывался,
 Что всю её объять не мог!..

И это всё заморозило
 Меня! И взгляд был пригвождён
 К картине той... А кровь по жилам
 Инсульту лезла на рожон!

Едва переводя дыханье,
 Запомнил я в последний раз
 Упругих бёдер колыханье
 И блеск невидимых мне глаз.

Я сам их свет себе домыслил
 И смоль махровую ресниц.
 Я был влюблён вне всяких истин!
 И падал перед нею ниц!

Но чёрный угол дома, страстно
Её обняв, с собой увлѣк...
И взгляд метался мой напрасно
Средь загорелых женских ног.

И до конца мне дней осталась
Воспоминаний этих сласть...
Она, наверно, улыбалась
Пред тем, как за углом пропасть?..

* * *

Прикоснись ко мне рукою,
Не перечь самой себе.
Ты давно уже со мною
И живёшь в моей судьбе.

Поцелуй сухие губы.
Кто тебя оберегать
Будет век от жизни грубой?
Выпивоха? Твоя мать?

Я тебя отдать кому-то
Ни за что не захочу.
Поцелуй, в груди́не смута.
Сердца золотом плачу.

* * *

Ты, девочка моя, тебя я полюбил
И как могу, всем сердцем ублажаю.
И нерастрченный любовный пыл
Тебе отдать одной навек желаю.

Не говори, что слишком молода
И опыта не набралась нисколько.
Ты для меня росток, а я вода,
Тебя растить — моя задача только.

И строить для тебя и деток дом,
Надёжный, недоступный потрясениям
Житейских бурь. Я настою на том,
Чтоб праздновать в том доме новоселье.

* * *

Противник я того, что есть,
В своих бестóлочных попытках
Былое иначе прочесть,
Забыв о тех сердечных пытках,

Что не давали просто жить.
А жить лишь в вечных муках боли
Я не хотел бы. Подскажи,
Господь, терпеть мне то доколе?

И на себя ли мне пенять,
Или себя над всем возвысить,
Другим, жестокосердным стать
И впредь не уповать на выси?

* * *

Во мне живут клочки воспоминаний
Всего, что было прежде в жизни долгой:
От школьных неосмысленных стараний
До выполнения воинского долга.

И всё! И только белый лист тетрадный
И кровь моя по кипенному снегу.
Удостоверенье боевой награды
И сѡнмы бед от жизненного бега.

А нынче мне уже не до почѣта
Былых прошедших дат, святых и чистых.
К небытию готовиться — работа
Одна из самых горьких и тернистых.

* * *

Стремиться вперѣд, изнывая от боли,
У звѣзд получая зачѣт...
Ты должен. Иначе погибнут в неволе
Бездействия Слава, Почѣт.

И будет погублено званье — Мужчина.
И может возникнуть спор,
Имеешь ли право носить ты по чину
Ружьѣ или, скажем, топор?

А может, вязальные спицы нужнее
В твоих пугливых руках?
Ты баба? Вопрос лихорадочно зреет
К живущему на облаках.

Девочка дождя

Весенних туч расплавленные капли
По девичьим плечам нещадно били.
По тёплым лужам, в шпильках, шагом цапли,
Две мраморные ножки проходили.

Короткая юбочка прилипала
К изгибу бёдер сально и по-хамски,
И трусики высвечивались алым,
И не секретом стал секрет тот дамский.

А люди, обалдевшие от душа
Божественного, всё же замечали
Всю наготу её, но все молчали.
И ни один весь гнев свой не обрушил

На словно полуголую пацанку
И на удары капель оголтелых.
И, обернувшись, каждый видел тело,
И любовался гордою осанкой...

Она пропала в пасти автолайна,
Оставив жажду обладанья — сказкой,
А дождь весенний ревностно, с остраткой
Пытался смыть из сердца эту тайну.

Моих иллюзий сладкий плен

А люди книги выпускают,
Им счастье это Бог даёт.
Мои ж стихи несметной стаей
Томятся уж который год

В томах исписанных тетрадей,
Им свет не видеть никогда.
О, как бы были они рады
Жить под обложкой, но беда...

Не сбывся этому желанию,
И, не читаемый никем,
Стекает в лапы мирозданья
Моих иллюзий сладкий плен.

* * *

Я опоздал свой опус дописать,
Примерно на полночи, Бога ради,
Не открывайте вы мою тетрадь,
Не всё ещё в порядке в той тетради.

То слово некрасивое всплывёт
В рассказе том, что в мире всё прекрасно,
Иль хуже — нецензурный оборот,
Который я употребил напрасно.

Когда я сам всё нужное впишу
И завершу своё стихотворенье,
Всех, кто желает, милости прошу —
Хвалить или ругать моё творенье.

Мои стихи...

Мои стихи мне так не прочитать,
Как я читал бы чьи-нибудь другие.
Диктует память строчки мне опять,
Изломанной судьбе столь дорогие.

И снова спазм сжимает мне гортань,
Немыслимая хватка бывшей боли,
И мне себе не крикнуть: «Перестань!»
Лишь прохрипишь под тяжестью юдоли.

Закашляешься, вытрешь кулаком
Глаза, что соль святую источали...
И прочь со сцены, в горле горький ком,
А люди: «Браво!» мне вослед кричали.

* * *

Я стихов не пишу, я работаю
Максимально над тем, что пишу,
Роюсь в книгах, архивах, лишь сотую
Часть, в сердца к вам стремясь, доношу.

Мои мысли живут в них и толки
В толще лет погребённых доктрин,
Входят отзвуком счастье в строки
И страданье лихих годин.

Книга

С улыбкой шёл, свой возвеличив труд,
Держа брошюру в переплете новом.
Все смертны и когда-нибудь умрут,
Но будет жить возвышенное слово,

И то, что прожил я, прочувствовал и вник,
Слезой и смехом, солью пота, кровью,
Потомок мой, поправив воротник,
Прочтёт с улыбкой нежной и с любовью.

Он плотью дуб, плечист и коренаст,
Его глаза сродни небесной сини,
И тайн, в стихах сокрытых, не предаст,
И не продаст противникам России.

А значит, вечно роду быть и жить,
Крестьянствовать, стихи писать, сражаться,
А может быть, пред алтарем служить,
С любовью вечно Богу поклоняться.

Возьми мой тонкий томик — в нём портрет —
Тебе в глаза заглянет без боязни.
В нём корень Польши, Иудеи след
И русской разудалой жизни праздник!

* * *

Стрела летит, взрезая воздух,
Срывая снег с коньков у крыш,
В грудь деве, что цветёт как роза,
А в ней — не вызревший малыш.

А кто же той стрелы хозяин?
Убийца иль наоборот?
Скорее Авель, а не Каин —
О, как он попаданья ждёт!

О, как он любит эту деву
И нерождённый плод её,
Амур свой выстрел точный сделал,
И всё в душе его поёт.

* * *

До костей разъела рану
Неприятый твоих соль.
От меня ты льнёшь к экрану,
Тем усиливая боль.

И просить тебя нет смысла
«Хоть за что» меня простить.
От ухмылки злой и кислой
Только слёзы можно лить.

Чёрт с тобой, гуляй, пацанка!
Похоть грязную узнай,
Гордой поступишь осанкой
И о лучшем не мечтай.

Будут муки, будут слёзы,
Так же всё, как у меня,
Но тебя Всевышний создал,
Чтобы ты жила, любя.

И тебя в ответ любили
Так же истово, как ты,
Но тебя не убедили
Сжатые в щепоть персты.

И гуляет грех по свету,
 Ада запах разнося,
 И в душе сомнений нету —
 Ты — испорченная вся.

* * *

Вот и всё, рука упала
 Вдоль кровати, хриплый вздох,
 Кровь гортанью, одеяло
 Сыро от груди до ног.

Телом смерть овладевает,
 И с лица последний тик
 С жуткой мукой пробегает
 Вниз по телу, мёртв старик.

Борода его седая
 Стала розовой, и он,
 В твердь земную истекая,
 Не услышит женский стон:

— Погоди, побудь немного,
 Хоть каким, но лишь со мной!
 Но души его дорога
 Вдаль умчалась, в мир иной.

И она кричит и плачет,
 И его к себе зовёт:
 — Не бросай, меня, мой мальчик,
 Одиночество убьёт!

Уменье жить

Приятель мой был в этом деле дока,
И знал везде и всюду, что к чему,
И длилось так само собой до срока,
Пока не стал матёрым и в чину.

Я тоже знал не много и не мало.
Не пересёк опасную черту.
Знал, сторону занять чью — если свара
Ломала вдруг хрустальную мечту.

* * *

В небе голубом и чистом
Жить, наверно, благодать.
Солнцу помогать лучистым
Зайчиком с детьми играть.

Петь канцоны и рулады
Восходящей вверх Луне,
Чтобы все на свете рады
Были слушать то во сне.

Но одна меня тревожит
В этих помыслах напасть.
Как залезть на небо может
Стихотворец, кстати, тоже,
Чтобы больно не упасть.

* * *

Я каждый день хоть что-то, но пишу,
И каждый день в раздумьях и надежде,
Что я сегодня мир оповещу
О том, что всё же есть на свете нежность.

И к шёлковым прильнувши волосам,
Изящному, отточенному стану,
И припадая к милым мне устам,
Тебе дарить я нежность не устану.

Пусть нежность обнимает, как дитя,
Жестокий шар земной, без слов укора,
И вместе с ним орбитами летя,
Целует нежно Космоса просторы.

Простись со мной

Простись со мной и вспоминай,
Как ссорились с тобой на кухне
Под всхлипы чайника, но знай,
Тебе сегодня сорок стукнет.

И мудрость, вроде бы, должна
Разлить по чашкам нашим чаю,
Но для тебя, увы, важна
Та фраза: «Я уйти не чаю,

Чтобы не слышать голос твой,
Не видеть глаз, волос, щетины
И бороды твоей седой,
И рук, чуть толще паутины.

Ты ими женщин обнимать,
По сути, вовсе не достоин.
Ты плох как муж, какая мать
Тебя родила? Ты не воин —

Ты баба, а теперь прощай!»
И дверь со стоном затворилась,
А я разлил по чашкам чай,
И сердце за неё молилось.

* * *

Классно жить на этом белом свете,
Всюду радость, счастье и уют,
Всюду малые играют дети
И покоя сердцу не дают.

Хочется стать маленьким мальчишкой,
Бегать с детворой на карусель,
И читать зачитанные книжки,
Про весны весёлую капель.

Я сажу на маленькой скамейке,
А вокруг резвится детвора,
Душу в этот час всю до копейки
Раздаю я детям со двора.

* * *

Кружятся обрывки бумаги —
Мною разорванных виршей.
Я — на краю оврага,
Брызжу в них соком вишен,

Тех, что давлю зубами
С истинным наслаждением.
Выкрашу их. Пусть сами
Станут они рождением

Листьев, летящих с веток,
Только с особым ритмом.
Только с особой меткой,
В них неизбывной рифмой...

Плачет летящий в небе
Клин журавлиный в сроки,
И стаи листвы в цвет меди
Слагаются в осени строки.

P. S.

Вы, верно, спросите и правы будете —
Откуда среди осени сок от вишни?
А я вам отвечу: «Поэзию любите?»
А вымыслы всякие в ней не лишни...

* * *

Как я любви хочу, совсем простой,
Чтоб не инстинкт меня тянул в объятья,
Ищу я женщину, которая со мной
Хотела бы построить своё счастье.

Она чиста пред Богом, предо мной,
Она желает дом, семью и деток,
Она желает замужем за мной
Быть... день-деньской с заката до рассвета.

Приди ко мне

Приди ко мне и будь спасеньем
От чёрных лап житейских бурь.
И, всем врагам на удивленье,
С собою принеси лазурь

И солнечное с ней сиянье,
И блеск любимых мною глаз.
Саму себя, как оправданье
Того, что связывает нас.

Но если ты не пожелаешь
На голос мой ко мне спешить
И вовсе промолчишь, то, знаешь,
Мне нет и смысла ждать и жить.

А посему кричу: «Спасеньем
Мне в этой брэнной жизни будь!
Всем, всем врагам на удивленье,
От морока житейских бурь».

* * *

Свози меня на кладбище, сынок,
Там мой отец и дед мой спят в могиле.
И чую сердцем, мой подходит срок,
Хочу, чтоб рядом с ними схоронили.

И смысла отговаривать меня
В моём стремлении, поверь мне, нету.
Ах, там такая мягкая земля —
Средь сосен вековых, и много света...

* * *

С себя снимать одежды глупо
Зимой, когда мороз да снег.
Умней себя теплей укутать,
Иль к тёплой печке править бег.

Себя заковывать в фуфайку,
Ну кто захочет в летний зной?
Мудрей — рубаху сбросив, в майке
Быстрее бежать на водопой.

И запасть себе холстины
Для савана — в том смысла нет,
Коль приглашён ты на крестины,
Где чадо примут в Божий свет.

Вот так по жизни, час за часом,
Идти туда, куда и все,
Во храм святой, к причастья чаше
И встретить Пасху по весне.

* * *

Я сплю порой в дни отдыха так редко.
А, может, этих дней и нету вовсе?
И я, как будто в золочёной клетке,
Встречаю «золотую» жизни осень.

И думаю, дожить бы до рассвета
Июньского, он мудр и светоносен.
Я не хочу срываться, как планеты
С орбит, что пережили свою осень.

О ПОНИМАНИИ СТРАННОСТИ

* * *

Странные эти выводы
О понимании странности:
Здесь и в полицию приводы,
Торговля красотой и статностью.

И первача гонка
С целью обогащения,
И мужика к девчонке
Без всякой меры влечение.

И одиноких женщин
Безбедное существование,
Прогнозы астрологов вещие —
Незыблемой веры шатание.

Одно в этой жизни не странно
И всеми берётся на веру —
В стереотипах старого
Наша нелепая эра!

* * *

Замерцала в небе точка —
То ль звезды, то ль самолёта.
Я протёр глаза платочком,
Чтобы распознать пилота.

То ночные выкрутасы —
То пике, то просто бочки,
Иль звезда, сгорая массой,
Приближалась к мёртвой точке?

Но на взгляд определишь ли,
Было это тем иль этим?
Был мой взгляд, наверно, лишним
Ночью в целом белом свете.

* * *

Стремись, моя строка,
Как руки к лону девы,
Воспой во все века
Незащищённость плевры.

И страсть мою постичь
Незащищённость эту..
О, этот божий бич,
Иметь талант поэта,

Свершившемуся дать
Слова, чтоб в сердце — песни.
И словом «благодать»
Звать стан её и перси.

И всё во мне кипит
Сильнее раз от разу,
А на груди уж спит
Познавшая всё сразу.

* * *

Не целуй меня взасос,
У меня разбиты губы,
И «шишак» под глазом взрос
От удара в драке грубой.

Понимаю, слово «жаль»,
Но не в это вот мгновенье.
Твой язык губу прижал,
О, какое наслажденье!

Так целуй моё лицо,
Перепахканное кровью,
Я в долгу у подлецов,
Что пришёл с разбитой бровью.

* * *

Окоченело сердце
В холоде мироздания,
Кто-то под птичье скерцо
Молча идёт со свидания.

Сказано всё до точки,
Принято всё сказанное,
Чувства в канаве сточной
Эту разлуку празднуют.

Это ведь даже здорово,
То, что в слезах со свидания,
А обещали с три короба —
Вместе быть Мирозданию.

* * *

В. Т.

Жена моя — давно остывшая,
 В меня летящая комета,
 Никак в согласии не жившая
 Со мной ни дня. И я аскетом

Жизнь проживаю до скончания
 Отпущенных мне Богом дней,
 Чтоб стать землёй. Моё отчаянье
 Единой целью стало ей.

Она в своём полёте метит
 В больное сердце, чтобы вмиг
 Истёк я в толщу недр планеты,
 И мир не слышал бы мой крик.

О, как близка она от цели
 Та, что словами душу рвёт!
 И чепуху напрасно мелет
 И мне покоя не даёт.

А посему пишу, как плачу,
 А плачу, как в скрижаль пишу.
 Иссякнет злоба, не иначе,
 В огне, что в сердце я ношу.

* * *

Прослезись и утри платочком
 И глаза, и носик свой острый,
 За окном развалилась по кочкам
 Да по ямкам дерюгою пёстрой

Эта осень — беды несущая,
 Незатейливая убийца,
 Суицида потатчица суцая
 И оправа к притворным лицам...

Но тебе она не подходит,
 Разрумянилась, молоко
 На губах твоих, что не сходит
 С лика — осенью заволокло?

Но коль рядом я, не старайся
 Хоронить себя. У меня платок!
 А со мной поди поиграйся,
 Тот платок — на любой роток!

* * *

Солнце движется к закату,
И на улице свежей,
На луга, в туманов вату,
И в дома спешит Морфей.

Всё слабей коров мычанье,
Реже слышен лай собак,
Затихает мир звучанья —
Мир, любимый всеми так.

И нисходит мир Покоя,
Затихает разговор,
Право, только ночью стоит
Слушать сердца приговор.

* * *

За стеной сосед стенает,
Что-то в доме не в порядке,
У подъезда шавка лает,
У дверей поют колядки.

Чёртов дом девятирослый,
Ни сбежать, ни отрешиться
От твоих каморок постных,
Где живут чужие лица.

Знаю так, как знал я в школе
Всю таблицу умноженья,
Как в метель блуждал по полю,
Как сносил все униженья.

Что за жизнь — скопились кучей
И никак не отпускает!
За стеной сосед по-сучьи
О невзгодах завывает...

Ангел мой, защитник Божий,
 Ниспошли мне благодати,
 Чтоб я смог уснуть. Похоже,
 Я воззвал к Нему — и кстати.
 С тишиною стало строже,
 И теплей в моей кровати.

* * *

С небес холодных бледный свет округу
 Залил своею фосфорною краской —
 И снежный наст, и ближний двор по кругу
 Ходил и освещал, как мог, по-братски.

И никого не обделил вниманьем,
 Заглядывал и в те глухие щели,
 Где стая одичалых псов с рыданьем
 И тихим лаем «нежилась в постели».

Он заглянул и в тёплую квартиру,
 Устав от промороженных пейзажей,
 И разбудил хозяйку жалкой, сирой
 Квартиры, что горела за год дважды.

Уставилась в оконные узоры,
 И разглядеть свечение пыталась,
 И встретились с луной пьянчужки взоры, —
 Луна заплакала, а та заулыбалась.

* * *

Пройтись бы, на́ ночь погулять
С собакой верной в час урочный:
Ей всё обнюхать, подышать
Мне чистым воздухом и сочным.

Он хлынет в лёгкие мои,
Как сок отжатый апельсина,
И в ночь на ложе поманит —
Поспать, а рядом ляжет псина.

И каждый сон увидит свой —
Кобель родную метку сучью,
А мне приснится, что иной
Женой обзаведусь по случаю.

Вот что прогулки при луне
Вольны́ творить с душой живою,
Вы можете не верить мне —
Поверьте псу, что спит со мною.

* * *

Ногти, они так болят,
Особенно, если занозы
Забились туда и саднят —
Спокойному сну угроза.

Их сколько ни окунай
В таз, где вода и сода,
Боль нервно кричит: «Познай,
Сроднились с чем руки народа!»

Но я-то и есть тот народ,
С одним, быть может, отличьем,
Что, вынув занозы из-под
Ногтей, я черкну для приличия

Какой-нибудь нервный этюд,
Про боль, про страданья и муки.
Поймёт меня правильно люд,
Свои покалечивший руки.

* * *

От знойной женщины в кустах,
Увы, не спрятаться, не скрыться.
Такой неведом стыд и страх,
Пришла пора повеселиться

Ей хоть бы с кем из мужиков,
Не отговорка, что женатый,
Что лысина, что нет зубов,
Ты для неё — подарок знатный.

И если даже дёру дашь
От милой дамы — всё без дела,
Найдёт, отловит — после блажь
Наполнит алчущее тело.

И ты раздавлен страстью той,
Что по тебе прошлась нахрапом,
Не вспомнишь о жене родной.
Да что там! И о маме с папой.

* * *

Слетела фраза с губ любимых
И сердце словно обожгла:
«Силён средь слабых ты, в их спинах —
Твои могучие дела.

Но трус ты с хлипкою душою,
Господь сплетеньем мышц снабдил,
Их сила выглядит смешною,
Коль ты в плену моих удил.

И я тебя сменить готова
На всякого, кто духом твёрд...
И пусть к тебе женою новой —
Покорность робкая придёт».

* * *

«Ни дня без строчки». Ерунда!
Без строчки можно жить недели,
А после вовсе без труда
Писать словами — акварели.

Да столько, что неловко здесь,
В строках походного блокнота
Всем признаваться: «Порох есть,
И каждый час писать охота...»

И, нужный смысл стиха схватив
У незадачливой Фортуны,
Ты можешь пить аперитив
И трогать вдохновенья струны.

Не страшен голод слов и тем
Тем, у кого душа рыдает
По каждой мелочи, и всем
Помочь, чем может, предлагает.

Поэтому пишу всегда —
В метро, в квартире, в автолайне,
И ни к чему мне, господа,
«Ни дня без строчки» делать тайной.

* * *

Как трудно жить, не зная цели.
К какому рубежу спешить?
Передвигаясь еле-еле,
Любимых дел себя лишить.

Погас маяк, к себе влекущий,
И нет в душе уж ничего:
Ни ожиданья Райских Кущей,
Ни кары Божьей на чело.

* * *

Какой сегодня день — не знаю.
Каков он есть? А впрочем, что там...
Гадать о них, летящих стаей,
Какому умнику охота?

Всё так, как в прошлую неделю,
Декаду, месяц и столетье:
Под ноги жизнь задачи стелет
Всё те же. Пряником и плетью

Заставит, или же задарит,
Всё сделает, как и бывало:
Кого положено — состарит,
Кому-то саван — покрывалом.

И тут же крик младенца в зыбке,
И свадьба бражная с гармошкой...
Мир предвоенный, шаткий, зыбкий —
Сума, тюрьма, да хлеб с картошкой.

* * *

Какие звуки ловит ухо?
Не расскажу.
А за окном весьма не сухо —
Виват дождю!
Вокруг сплошные отголоски
Дыханья бурь.
И чей-то смех, и юмор плоский —
Сплошная дурь.
И это всё зовётся жизнью —
И смех, и плач.
И есть в ней место укоризне,
Где жив палач.

* * *

Имейте совесть, не гадайте
На картах, кто я и откуда?
Ведь вы всю правду не узнаете,
Не расскажу её покуда.

Но есть ли смысл мне выворачивать
Нутро души пред вашим взглядом?
Ведь самого себя утрачивать
Придётся, как травиться ядом

Усмешек ваших неприязненных,
Уколов, как бы между прочим.
Не быть тому, богобоязненный
Я. И живу под дланью Отчей.

* * *

На улице нету снега,
А сплошь чернота асфальта,
На улице ясному небу
Капель подпевает альтом.

А где же фальцет метели?
И стужа, что сердце морозит,
И посвисты свиристелей,
И снегирей гроздь?

И жарко в осенней куртке,
И зимняя обувь промокла.
До Нового года — сутки
И солнцем сияют стёкла.

* * *

Шелест мнимых крыльев за спиною,
Шелест новых банковских купюр,
Шелест шин авто, выходят строем
На показ модели от кутюр.

Как же хороши у них наряды,
Как на Барби-куколках сидят!
И платить за эту прелесть рады,
Крылья у кого не шелестят.

У кого же крылья за спиною,
Чувствуя неистовость греха,
Шепчут самому себе: «Не стоит
Потешать соблазнами врага».

Башмак

Сижу! И нечего мне делать,
Как только на башмак глядеть.
Он кожа от чьего-то тела,
На бойне принявшего смерть.

И после выделки фабричной
Её решили сделать тем,
Что на ноге сидит прилично,
Не жмёт и в нёске без проблем.

Но иногда зимой студёной,
Когда асфальт под снегом спит,
Кричит скотины умерщвлённой
Душа! А может, снег скрипит?..

* * *

Метель за окном средь апреля.
Ругать кого за измену?
А вдруг да на печке Емеля
Пустится к царским стенам.

Застрянет ведь, печь угробит
И не увидит царевны,
Красою с ума что сводит
Полцарства и полдеревни.

Да что там Емелина печка?
Бьются такие тачки,
Что «ботоксные овечки»
От горя по ним плачут.

И вскинув головы к небу,
Клянут и царя и Бога.
Апрель, а на улице небыль —
Заснеженная дорога...

* * *

Заребрились спины шпал...
Кто хоть раз их посчитал?
Но они-то знают чётко,
Сколько раз на них чечётку
Поезд каждый отплясал!

* * *

Не сердись на меня, дорогая,
Незабвенная матушка Осень,
Я с тобою порты залатаю
Той листвою, которую сбросишь.

Я с тобою в стогах расцелуюсь,
Капли влаги смакуя губами,
Я приму небесные струи,
Что умоют стожок над нами.

Подари мне зазор мальчишки,
Что, девичьи лаская груди,
Был он нежен и даже слишком,
До просящего шёпота: «Будет!»

Отрывной календарь

Ссыпались листы с календаря,
Обнажив картонную основу.
Год прошёл, а зря или не зря —
Пусть об этом небо скажет слово.

Пусть докажет, как он прожит был,
Возвеличивать его иль хаять,
Что в нём сделал кто, а что забыл,
Чтобы шар земной от зла избавить.

Иль слезу по прожитому лить,
Или хохотать от предвкушенья.
Доведётся ль в будущем нам жить?
Или грянет вдруг Земли крушенье?..

* * *

Я хочу сидеть и пить
Что-нибудь простое —
Чай с малиной, может быть,
Чабреца настою.

Я по правде обделён
Тем простым лекарством,
Город — высосет всё он
Злобой и коварством.

Разнотравие лугов
Недоступно люду,
Дышат тем, чьё имя — смог,
Пьют отраву всюду.

* * *

Как радостно влетело утро
В распахнутое мной окно.
Пыльца ромашек лёгкой пудрой
Вплелась в остатки моих снов.

И я, отдавшись восхищенью,
Пил трав духмяный аромат,
И искренне просил прощенья
За сны и резкость невпопад.

И жадно лицезрел картины,
В тот миг явившиеся мне —
Ажурность летней паутины,
И деву юную в окне.

* * *

Я хочу ромашек поле
Взять себе и подарить
И устроить в нём застолье,
С тем, чтоб долго не забыть.

Утром выкупаться в росах,
Помня, что я подарил
Сам себе не папиросы,
А ромашек белых пыл.

Прыгнуть в реку, где от счастья,
Окунувшись с головой,
Смыть печали в одночасье
Над ромашковым собой.

* * *

Не хочу ругаться нынче
Ни единым словом бранным,
А хочу познать величие
Восхищенья утром ранним.

Я стою, а даль распахнута,
Дух полей вокруг, во мне,
Где-то там грохочет пахота,
Зёрна дарятся земле.

Благодарная их примет
И, не без труда, взрастит.
Не хочу ругаться, сгинет
С глаз особый колорит.

* * *

Очки нуждаются в коррекции,
Предметы вижу в них нечётко.
Не слышу, что мне шепчет сердце,
Не в такт отбившее чечётку.

Воочию не видно мне:
Какие-то там силуэты
Витают в катарактной мгле
И не понять, во что одеты...

А так хотелось записать
Их линии и очертанья,
Но только лишь с постели встать
Задумал, как в глазах мерцанье.

И вновь я слеп, как старый крот,
Сижусь, перо зажав меж пальцев,
В душе слились в единый фронт
Мои ночные постояльцы.

И с переносицы очки
Снимаю с истинной печалью,
Другие линзы на зрачки
Должны быть для влекомых далью...

* * *

Скучно что-то, мало света
От хозяйственной свечи,
Снег идёт, обрывы где-то,
Знать, на линии. В ночи

Кто их будет ладить? Утром,
Может, станут починять,
Мне же свечка очень мудро
Помогает сочинять.

И пишу я, глядя в пламя.
И трепещет и дрожит
Тело свечки, как у лани,
Что от хищника бежит.

И моя рука рисует
Видимое мной — в словах,
Чахнет пламя, я рискую
Стих дописывать во снах.

* * *

Хлопушек залпы во дворах,
Девиц пронзительные визги,
И я бессонный, в пух и прах
Разбиты сны моей отчизны,

В которой я живу, дышу,
Смеюсь и слёзы лью от горя,
В которой сам себя к ножу
Могу приговорить, как вора.

Но ночь берёт своё, и тишь
В глаза и уши истекает.
К утру я засыпаю лишь,
Он будет краток, сон мой, знаю!

И с трелью птахи за окном
Взметнутся вверх от страха веки,
Мне снилось ночью, что мой дом
Обстрелян кем-то для потехи.

* * *

Сирени запах, но откуда?
Он так навязчив и настойчив.
Ужель весенняя остуда
Легла средь букв и многоточий?

Я знаю, на дворе лютует
Декабрь своею жгучей силой,
А тут сирень! По ком тоскует
Тот запах нежный — сердцу милый?

Коль среди зимней вакханалии
В шальных стихах хочу воспеть
Строкой любви девичьи талии
И мягкость губ, и персей твердь.

* * *

Старайся быть любимым,
Да хоть своей собаке,
Жене, неисправимой
Пустышке, ждущей драки

Ты говори спокойно,
Любому лягут в душу
Слова: «Любил я стройную,
А полная ты лучше».

Малышку с рук натруженных,
Резвясь, не выпускай,
И обещай по лужам ей
Пройтись в ближайший май.

* * *

В пылающем рассвете меркли звёзды,
И ветер гнал по небу облака,
И провода свистели «хеппи бёздей»,
И хаты обозначились бока.

Они, для глаз пока едва заметны,
И крытый двор, невидимый ещё,
Слились в объятых в полутьме рассветной,
Увитые разросшимся плющом.

Бежало время медленно, но верно,
Горланили задорно петухи,
Им вторили цепные псы, как скверна,
Тьма пряталась по уголкам глухим.

Корова била по двери копытами,
Визжали свиньи, требуя еды,
И умирала ночь в слезах под пытками
Рассвета, что сжигал её следы.

И уж пастух сзывал на выпас стадо,
Хозяйки гнали со двора коров,
И дед спешил с газетой (куда надо)
И ёжился от утренних ветров.

* * *

Лошадь в страхе бьёт копытом
По нехоженной дороге,
Ею путь тот не испытан,
Еле тащит следом дроги.

Но ездок, увы, настойчив,
Нет дороги — будет, значит,
Не пугают его кочки,
Путь закончится, раз начат.

Лошадь, стукнувшись ногою
О корягу, захромала,
А ездок истошно воеет, —
Волчья стая их догна́ла.

* * *

Ночь бросилась с небес на землю
И всё собою поглотила —
От громадьи домов до стебля
Своей неведанною силой.

Ничто не стало ей помехой:
Ни фонари вдоль тихих улиц,
Ни свет витрин, ни звуки смеха
Людей, что в темноте столкнулись.

Машины фарами старались
Поярче осветить дорогу,
И с темнотою ночью дрались
Их галогеновые боги.

Убоги были их попытки —
Ночь согнала с низин туманы.
И люди — на засов калитки,
А воры — финки из карманов.

* * *

Смотри, какая в небе мгла,
Ни звёзд и ни луны не видно.
За стенами домов легла
Зима с ухмылкой ехидной.

Огромные пласты метёт
Друг с другом слипшихся снежинок
И видеть в небе не даёт
Созвездий неземных прожилок.

И занавесила окно,
И тьма в душе осела дерзко.
Но греется молитвой сердце,
И зла не ведает оно.

* * *

Как же жить таким бессильным
И беспомощным во всём?
Ведь тела свои насильно
Мы сквозь эту жизнь несём.

А куда? И сколько метров?
И зачем нам их нести?
Знают снэги, знают ветры.
И песок в моей горсти́.

Сыплю, сыплю год за годом
По песчинке в зной и хлад,
Словно проходя по водам,
Как Христос, несу свой клад.

* * *

Свистели парни девушке вослед,
И окликали, громко хохотали,
Она ж несла свои шестнадцать лет
И красоты весенние детали.

А как иначе выразить всё то,
Что во груди приводит в восхищенье
Сердца их, не подскажет ни святой,
Ни демон, век не знающий прощенья.

Она, на удивленье, не спеша,
Прошла под свист и смех позора метры,
Признание в любви как бы верша,
Коснулись рдевших щёк шальные ветры.

* * *

Любовью зажжённое сердце горит.
Горит, словно порох, но не сгорает.
Любовь — она ночи подряд не спит,
Либо смеётся, либо рыдает.

Любовью насытиться можно. Но...
Только уснувши могильным сном.

* * *

Восход скользнул багряной искрой,
По горизонту во всю ширь,
И над речушкой малой Истрой
Всю толщу вод до дна прошил.

И рыбы всех пород в движенье
С побудкой раннею пришли,
И, корма видя приближенье,
Без страха на поклёвку шли.

А рыбаки над водной гладью
Застыли бюстами людей,
Которые во Истре-граде
Любого пескаря умней.

Уже рассвет раскрыл полотна
По всей округе кумача,
И вдруг в излучине болотной
От игр сомят вскипел бочаг.

* * *

Никчёмных дел никчёмный мастер,
Я строю жизнь свою с нуля,
И вспоминаю, как фломастер
Впервые вывел букву «Я».

Тогда стояла эта буква
В ранжире крайнем в букваре,
Теперь она надулась, взбухла
И впереди в любой игре,

В любом часу, числе и слове,
Я это точно знаю сам.
Никчёмный мастер на основе
Её — причислен к небесам.

* * *

Не иссякая, боль буравит,
Мою стареющую плоть,
А жизнь к конечной точке правит
Мой полузатонувший плот.

И он, гонимый вниз течением,
Уносит вдаль мои года.
Я, не подверженный лечению,
Другим не буду никогда.

И жду, когда бревно ударит
В мой плот. В неведомый причал
Уйду. Бессмертие подарит
Там Бог, что в притчах обещал.

* * *

Опять я рву себя на части,
Пытаясь правду отыскать,
А есть ли в этой правде счастье?
И если да — то где искать?

Так почему за все те годы
В объятых городов и сёл,
Средь стран, материков, народов
Я счастья так и не обрёл?..

* * *

Отринь моё непониманье
 От сердца своего, отринь.
 Я твой, от смеха до страданья...
 И до последнего «аминь».

Ведь я тебя не понимаю
 В одной лишь фразе — «бабник ты!»
 Поверь мне, к совести взывая,
 Коль кто-то поманит в кусты —

Я там от ласки отрекаюсь,
 От страстных слов: «Люби меня!»
 Так отчего ж сейчас я каюсь,
 Перед тобой, Любимая.

* * *

Снимайте на ночь брюки, рубашки и носочки,
 Так легче будет спать вам весь ночной сезон.
 Матрас перетряхните — чтоб не было комочков,
 Таких, чтобы мешали вам видеть горизонт.

Трусы, пожалуй, тоже — и жмут же ведь, заразы,
 Резинка не резинка, а всё в паху болит.
 Рекомендуем также снять вам часы и стразы,
 Не то за «ценность» эту быть можешь ты убит.

Останетесь вы голым
 среди простыней крахмальных,
 Их белизна сплошная вам так к лицу идёт,
 Подушки поприбейте, они не актуальны.
 И ждите — непременно к вам смерть сама придёт...

* * *

Я опять тону в стихах,
И как будто умираю.
Но пою, как дивный птах
На восходе в кущах рая.

Смерть, смеясь, гоню взашей,
Бросить пение — не время...
Боже! Саван мне не шей,
Жду, когда созреет семя,

Что успел я разбросать.
В том, поверьте мне, не каюсь.
Срок не вышел умирать,
Как могу, я жить стараюсь.

ТАК ПРЕДУСМОТРЕНО
ПРИРОДОЙ

Частичка лета

За чёрным лесом розовел
Восход, пока едва заметный,
Вокруг прозрачный воздух пел
Хорами птиц, числом несметным.

И грудью я вдыхал озон
Взапой, глубокими глотками.
И пил волшебный этот звон
Разгорячёнными устами.

И сам себя не понимал
В объятьях этого рассвета,
От счастья плакал, ликовал,
Что я и есть частичка лета.

* * *

Цветы луговые рассыпались вольно
По вешним полям и лугам,
И птицы, под небом порхая привольно,
Щебечут родным берегам.

Лицом прикоснувшись к земле, ты увидишь,
Как божья коровка ползёт,
И, взяв её в руку, на небо закинешь,
Туда, где Спаситель живёт.

* * *

Постарайся быть счастливым,
Улыбаться, песни петь.
Даже если и дождливо,
И грозы грохочет медь.

Ведь проснулся, утро смотрит
На тебя через окно
И до слёз с тобою спорит,
Что прекрасное оно.

Подойди, расправив плечи,
Прямо к мокрому стеклу,
Миром ты теперь замечен,
Улыбнись в ответ ему.

* * *

Июнь, середина лета...
Но только неделю тепло.
Дожди оседлали и ветры,
Окна́ моего стекло.

И нету надежды дожждаться
Нам от природы благости,
Хоть сердце устало стараться
Искать состояние радости.

Ну вот наконец и солнце,
На смену холодных струй,
Оно как будто бы клонится
Ко мне — подарить поцелуй.

* * *

Природой ход событий вышит,
И, верьте, вовремя придёт
Тепло, пусть зимний холод дышит,
И изумруд травы сквозь лёд.

Пусть всё идёт само собою,
Так, как допустят небеса,
Вновь за красавицей весною
Задыхают жаром небеса.

Так было, есть и, верно, будет,
Из века в век, из года в год.
Ход перемен пылает, студит,
Но мил нам этот хоровод.

* * *

Но вот багряной полосой
Зажглись немые небеса,
И платье нового покроя
Поля надели и леса.

И всё играло и искрилось
На перекрёстке двух времён,
Ночная мгла сдалась на милость
Заре склонением знамён.

И предалось всё оживленью,
Проснулось, тьму прогнало вон,
И, переполнен вдохновенья,
Вдруг исчезал последний сон.

Музыка дождя

Лежать и слушать музыку дождя,
Поверьте, настоящее блаженство.
В неслышном диалоге он и я
Неспешно обсуждаем совершенство

Ударов капель в крашеную жечь,
По проржавевшим стареньким карнизам
И широту полей, тех, что не счесть,
И для которых этот дождь сюрпризом.

Пьянит меня природы волшебство,
В ней засуха сменяется дождями
И вниз стекает молодой листвой
И буднями, и праздничными днями.

Успокоенье сердца моего
В звучаньи капель обретёт начало.
Я тихо засыпаю. Что с того?
Ведь музыка дождя окрест звучала.

* * *

Степь, разбросав пути-дороги
Вокруг на тыщи десятин
И плотью упершись в отроги,
Ждала, придёт ли хоть один

Из царства, где большие горы
И полноводные моря —
Посеять в ней цветов узоры
И хлеб взрастить до сентября.

Теперь здесь трактор плугом гладит
Роскошную степную статью,
Или сохой, как мудрый прадед,
Земли святой кормящей рать.

Всяк по душе её прошёлся
И без стыда топтал ей грудь.
Для всякого удел нашёлся
Постигшего святую суть.

Впитала пот и кровь народов
Раздольная как небо степь.
А ей бы диких маков всходы
И ветра, пляшущего стэп.

В ожидании чуда

Окрестности вспыхнули ярким багрянцем,
 И воздух застыл в ожидании чуда,
 Но явлено чудо давно, в дивном танце,
 Сметающем в груды рубин с изумрудом.

И ворохи их на земле, как сугробы,
 То вдруг появляются, то исчезают.
 А лист золотой, дорогой самой пробы,
 Над чудом прекрасною птицей летает.

И падает вроде бы, но увлечённый
 Поток воздушным, с земли вновь взлетает.
 И вот уже контур его рассечённый
 В оплавленной солнечной
 мантии тает.

И что тут сказать, сколько раз это было,
 За жизнь мою болями, муками мечено.
 Дождусь ли я новой поры, где уныло
 Морозным узором всё будет увенчано.

* * *

Зима приходит и проходит,
 А иногда совсем не быстро.
 И рек извилистых проходы
 Во льдах отбрасывают искры

От солнечных лучей несмелых,
 Тех, что с морозом не в ладах,
 На ягодах рябины спелых,
 Нахохлившихся снегирях.

Не отступает злая стужа,
 И трескаются деревья,
 И, словно дровосек, натужно
 Мороз стволы рвёт на дрова.

И словно вымерло в округе,
 Живое всё к теплу теснится,
 И только Божия десница
 Не внемлет этому испугу.

* * *

Верно, будет непогода,
Вперемешку дождь со снегом,
А недавно Новым годом
Душу баловала нега.

И стоял морозец лёгкий,
И снежинки серебрились,
И озон вдыхали лёгкие,
Чаще сны цветные снились.

Только месяц и побаловал
Новый год нас светлой радостью,
Дождик разлился подвалами,
И доволен этой шалостью.

* * *

Смотрят тучи с неба в воду,
Видят тучи, что внизу
Неба голубого своды
Превращаются в грозу.

Тучи, туч не понимая,
Друг на друга так глядят,
Будто бы они не рая —
Ада злобного хотят.

Пролетавший мимо ангел
Прикоснулся там и тут,
На лице морщины сгладив...
Тучи слёзы льют и льют.

* * *

Тихо зной с небес крадётся
На пожухлые поляны,
На деревья, где придётся,
Птахам певчим петь сопрано.

Вот уже и солнце вышло,
Так — ни шатко и ни валко,
И ковром цветастым вышит
Весь газон под поливалкой.

Тень сыскать любой желает —
Шляпы, зонтики, панамы.
Солнце тоже злым бывает —
Больше этой злости нам бы!

* * *

Жирафьи шеи кранов вскинулись
К сиянью солнца в небеса,
Где облаков барашки двигались
К чернеющим вдали лесам.

Туда, где жаворонков трели
Июльский воспевали зной
Кружащимся внизу метелям
Куделью шали пуховой,

Той, что с любовью отдавали
В подарок лету тополя.
И эту песню птах узнали
В округе реки и поля.

И городской фонтан лишь плакал
Над белой пеной вдоль бортов,
Коктейль воздушный смачно харкал
Из водоводов ржавых ртов.

* * *

Сирень не цвела в жару,
Сирени нужна прохлада,
И я, как сирень живу,
Мне знойной погоды не надо.

Вскипают мозги, когда
Бесчинствует температура,
Когда исчезает вода —
Простая от зноя микстура.

И лоб остудить нельзя,
И просто напиться влаги.
Со зноем мы — не друзья.
Друзья — с родником в овраге.

* * *

Холодный ключ бил в тёплый край реки,
Катившей свои воды к горизонту,
Хоть у ключа давно уже мостки
Добротного желали бы ремонта.

Всё ж день за днём который год к нему
Протоптана тропинка с крутояра,
И пьёт деревня кровь земли саму,
И хвалится ключом своим недаром.

Вкусна вода, и нет её вкусней,
И в зимний день над нею пар клубится.
А летом жарким в холод той водицы
Все ночи сыплет трели соловей.

Тьма на сердце

Тьма на сердце! Душу гложет
Дождь осеннею порой,
И показывает рожи
На асфальте водяной.

И промозглый ветер лает,
Как собака, жестью труб,
Осень медленно вбирает
Всех и вся в свой рыжий круг.

И кусает, и кусает
Сердце непрерывный дождь,
На асфальт листву сбивая,
Шепчет мне, что ты — придёшь.

* * *

Серый заяц станет белым,
Когда срок зимы наступит,
Словно крашенную мелом
Шубку он себе прикупит.

Незаметным станет вовсе,
И биноклю не под силу,
Коль была б такою в осень,
Шкурка бы его убила.

Даже всякий пёс приبلудный
В перелесках бы загрыз.
Но грядёт зима, — подспудно
Цвет белил стекает вниз.

Стужа...

Остудила стужа лужи,
Заковала их в хрусталь,
Иней лёг в сплетенье кружев,
Словно сказочная шаль.

И покуда хватит взора,
Всюду искры серебра,
И стекло сквозь вязь узора
Смотрит, мощь зимы вобрав.

И душа возликовала
В этот превращенья миг,
За ночь стужа развенчала
Осени бессмертья миф.

* * *

Речка судорожно бьётся
По теченью, подо льдом.
Полынья, парясь, смеётся
Над морозом чёрным ртом.

Бабы, вытоптав дорожку
К ней, качая в такт бедром,
И в оскаленную рожу
Тычут жестяным ведром.

Им ни капельки не жалко
Полыньи разбитый рот,
И бранятся, словно галки,
Меж собой за свой черёд.

Небес творение

Слетели с крыш, кружась, снежинки,
От ветра на стекло окошка,
И от его тепла слезинки
Стекали вниз. Земле в ладошки.

Им, неба видевшим просторы,
С Землёй прилюдно целоваться
Так не хотелось, но без спора —
Куда от этого деваться...

И в лёд бездушный обращала
Небес творение Земля,
Весне грядущей завещала
Поить святой слезой поля.

* * *

Весна сползла со снежных крыш
На тротуары города,
И топчут слякоть и малыш,
И тот, кто носит бороду.

И, кожу напрочь измочив
Ботинкам и сапожкам,
Бегут несмелые ручьи
К реке со снежной крошкой.

И слышны мартовских котов
Безудержные крики,
Дают понять, конец оков
Зимы — под солнца блики.

Но к ночи лужи льдом скуёт,
И все опять забудут
Весны приход, тепло её
И на ручьях запруды...

* * *

Серебряные струны рек
Звенят натруженным фальцетом,
Перебирает чётки век,
Как будто в ссоре с белым светом.

И гонит воды их туда,
Где сплошь разливы и потопы,
Где станет мёртвой их вода,
И человеческий слышен ропот.

И изольётся кровь земли
В их родниковую природу,
И будут гибнуть журавли,
Испив отравленную воду.

* * *

Дождя! Начал таять снег,
Всё радостней Весны улыбки,
Хоть ноги мокрые у всех
И тротуары в хляби зыбкой.

Но птиц весёлый перезвон,
И неба синего глубины,
И это не волшебный сон —
Весны грядущей именины.

И люди, губы растянув
В улыбке, шлют привет светилу,
Оно, в мой город заглянув,
Крушит снега с незримой силой.

* * *

Стекающий ветер по стёклам авто
Над бампером кузова снегом играет.
И вверх устремляясь, легко и светло
Молочное облачко блекнет и тает.

Деревья заснеженных рук череду
К машинам летящим, как нищие, тянут
И просят чего-то! Как знать, в их ряду,
Возможно, зима своевольная канет.

И будет правдиво желанье одно:
Узреть благодатью набухшие почки,
Душою принять провидение снов —
Весенней мозаики дивной кусочки.

* * *

Закат, всё реже птицы машут
Над остывающей землёй
Крылами, только трактор пашет
Надел закатною порой.

И тракторист оглох, не слышит,
Как умирает тишина.
И пашет, словно счастье ищет,
В рассвете будущего дня.

И фрикционом выжимает
Всю мощь машины из неё.
Ему б домой, где ожидают,
Но трактор не велит, поёт.

* * *

Звезда с небес скатилась за окном
И в поле за околицей упала.
Окрестность, что была объята сном,
В одно мгновенье светом заиграла

В том месте, где упавшая звезда
Поцеловала землю и потухла.
Но отраженьем яркого следа
И поцелуев на сугробах пухлых

Вдруг вспыхнули снежинки всех цветов
Невероятным, дивным фейерверком,
И пар клубился из раскрытых ртов
От красоты, что прилетела сверху!

* * *

Багровою полоской небо
Украсил сказочный рассвет.
И птичий хор взорвался следом,
Пропев, что власти ночи нет.

А есть безмерное владенье
Возникшим светом над землёй,
И в честь него такое пенье,
И праздник встречи дня такой,

Что травы головой кивали,
Им вслед дремучие леса...
Куда ни глянь, за далью дали.
Мир пробуждался ото сна!..

* * *

Проходит день, на плечи ночи
Ложится яркий звёздный плед.
Цвет месяца, желтково-сочен,
Земли высвечивает след

По тёмным космоса орбитам,
По переулкам, площадям,
Там, где, любовь повитым,
Пришла пора просторным дням.

Там, где безумствует природа,
В фате цветочной пряча лик,
И птахи поднебесья своды
Озвучивают каждый миг.

И где ложиться спать негоже,
Не отхлебнув красот Земли,
И телом холодить мне ложе
Черёмуховый май велит.

* * *

В конце весны скатилось солнце
В ладони зябкие Земли,
Дома открыли вновь оконца,
Чтоб пить сполна тепло смогли

Их поостывшие удобства,
Кляня черёмуховый рай,
Который напоил до донца
Набегами дождливых стай.

И вот теперь вокруг всё в неге —
Любви, блаженства и тепла.
Дат череда в их вечном беге
Погоду в лето позвала.

* * *

Неспешно тёплый день ложился
Спать, опершись на горизонт,
В багряную полоску слился,
Дня отступающего фронт.

И всё затихло в ожиданьи
Ночной прохлады, темноты,
И только купол мирозданья
Наметил звёзд ночных следы.

Купались в тёплой неге люди,
Запели птицы впереклик,
Земля открыла пашен груди
И лунный свет к соскам приник.

* * *

Стынь черемуховых дней
Не даёт писать о лете,
Проходили бы скорей
Дни несолнечные эти,

И тепло стекло с небес
Вместе с пеньем птахи в уши.
Не хватает позарез
Людам солнечного душа.

И любовь бы расцвела
В наших душах дивным светом,
Ну а нынче нет тепла
Под черёмуховым цветом.

* * *

Как прекрасен куст сирени,
В нежном, в бархатном цвету,
Под его роскошной сенью
Я узор из слов плету.

Сердце в неге изнывает,
Нежный аромат парит.
Чудо — раз в году бывает,
Когда май вокруг царит!

Когда хочется услышать
Песню из глубин аллея,
Когда хочет небо вышить
Трелью чудо-соловей!

* * *

Стремительно с небес слетела
И села на сучок пичуга,
Её израненное тело
Неверием казалось. Чудом.

И песню дивную запела,
Плняя вдохновеньем нас,
И белая сирень вскипела
От пенья птахи в сей же час!

* * *

Весна стирает грани между летом,
И чаще всё главенствует тепло,
И землю овекает тёплым ветром
И душу — бывшим холодам назло.

И я его приветствую, как только
Могу принять и сердцем и душой...
О прошлом не грущу почти нисколько,
А лету говорю: «Бежать постой!»

И мы идём по жизни в плотной сцепке,
Где хорошо ему — прекрасно мне,
И наша жизнь разыгрывает сценки
Любви меж нами в яви и во сне.

* * *

Как нынче слякотно и сыро,
Хоть дождь прошёл ещё вчера,
И не звучит под небом лира,
Ни в утра и ни в вечерá.

Погода швах! Почти как осень.
Земле прогреться не даёт
Небес темнеющая проседь —
Навис дождливый небосвод.

И мы сидим, укутав плечи,
На мокрой лавочке в саду,
И души нам надежда лечит —
Вдруг дождь слепой шепнёт: «Уйду»...

* * *

Пора цветенья — буйство красок,
Благоуханье ароматов...
Зачем ещё нам надо сказок
И фраз заученных крылатых?

Наш домик прост, но в том и сила
Его состаренного тела,
К окошкам протянулась слива,
В своём цветенье ярко-белом.

С лугов пахнуло разнотравьем,
И ласково тепло струится,
А по реке, для стройки, с гравием
Баржи идут по глади ситца.

Чего ещё увидеть надо?
Кому за счастье молиться,
Что ты живёшь в объятьях сада,
Сбежав от щупальцев столицы?

* * *

Первый ливень весенний прошёл за окошком.
Всё вокруг посвежело и заискрилось,
Солнце вышло на небо янтарною брошкой,
Чтобы платье природы опять обновилось.

Щебетанье пичуг и шипение шин,
Люди мокли, а лица улыбкой светились.
И в стихах достигал я незримых вершин,
Вдохновенье и радость из строк моих лились...

Удержаться не мог, хохотал, как мальчишка,
Просто так, от безделья и озорства.
Понимая, что это, наверное, слишком,
Но, смеясь, трепетал, как от ветра листва.

* * *

Мне тишина нужна в любом пространстве.
В любое время, дома, во дворе,
Лелею звуков мягких постоянство,
Равно в июле или в январе.

И верю я своим мечтам подспудно,
Придёт пора и будет, как должно,
Порыв души с природой обоюдно,
И звуки лиры с ними заодно.

* * *

Я пью красу родной природы,
Не налюбуюсь ей никак,
Я — часть живущего народа,
В её заботливых руках.

И к ней свою любовь до боли
В душе восторженной несу,
И славлю васильки на поле
И песни птах в её лесу.

Не перестану восхищаться —
Как снег идёт иль млеет зной...
И бесконечно удивляться
На нрав строптивый, озорной!

* * *

Я слушаю природы разговор:
Сорочий стрёкот, пенье птахи малой
И соловьиной песенки узор,
И теньканье синицы разудалой,

И шум листвы дерев над головой,
И жаворонка голос в поднебесье...
Природа! Я готов запеть с тобой,
Любою малой клеточкою — весь я.

И солнце нам подспорье в хоре том,
И мелодичный колокол собора,
Пою свои стихи я с Миром в тон,
Душою, переполненной мажором.

НАШЁЛ, ПОВЕРИЛ И ГЛАГОЛЮ

Рождество

Строжайший пост. С утра ни крошки
Во рту, но мне не до еды.
Хочу увидеть я в окошке
Сиянье дивное звезды.

А на дворе мороз крепчает,
На стёкла окон лёг узор,
И взгляд уже не различает
Далёких звёзд усталый взор.

Но я, прижав к стеклу ладони,
Хочу хоть малость отогреть
Для взгляда в небо, чтоб в погоне
За чудом видеть, как гореть

Звезда рождественская будет...
И мне другого не дано —
Застать, когда из яслей судеб
Прольётся плач ко мне в окно.

Умоюсь я слезой святою
И осенью свой лоб крестом,
И сердце всем своё открою
С рождённым в этот миг Христом.

* * *

Я прозреваю только тогда,
Когда смыкаю тяжелые веки.
И понимаю — пришла беда,
Когда смеются вокруг «человеки».

Мне больно, когда срывают бинты
С заживших и сросшихся с ними ран.
Когда стою один у плиты
И слушаю, как подтекает кран.

Помощи нет, и мир вокруг пуст,
Хотя невест вокруг пруд пруди...
Горько срывается с бледных уст:
«Господи, смилуйся и помоги!»

* * *

Да, вы смеётесь надо мною,
Но я — не шут и не паяц,
Под солнцем вечным и луною
Один ли я в долгах увяз?..

И что с того, что срок приходит,
Вернуть всё то, что раньше брал?
Отдам сполна, за мною смотрит,
Кого Душой всю жизнь искал.

Нашёл, поверил и глаголю,
Всё до последнего гроша,
Отдам цветами в внешнем поле,
Зарёю, чтоб цвела душа.

Я из-за туч достану солнце,
Чтоб круглый год могло сиять,
Настолько я богат, — бороться
Со мной не сможет злобы рать.

А тот, кому я всем обязан —
Живой — не Сатаны искус...
Отдам себя всего и сразу
Ему, чьё имя Иисус.

* * *

На что же ты решился, ветер гулкий?
Гонять по крышам чуть намокший снег
И с силой вниз лететь по переулкам,
Нарушив дух спокойствия у всех.
Тебе размаха разве не достало
Верёвки вить из медных проводов,
Столбы валить и крыть их одеялом
Снесённых крыш старинных городов?
А ты сильнее, час от часу могучей,
Уже не ветер вовсе — ураган,
Земное поглотив небесной тучей,
Вселенский исполняешь свой канкан.
А я сижу в дому, заткнувши уши,
Жду, будет жизнь продолжена иль нет,
Одержит верх ли Боже всемогущий,
Иль навсегда погаснет жизни свет?..

* * *

Я всегда был маловером,
Но Веру в Истину сыскал,
Когда упал на скалы первым,
Попав под пульь разящих шквал.

И, лёжа в госпитале, денно
И ночью боль уйти молил.
И с этой Верою, наверно,
Безвольно в сны я уходил...

Прошли года, и я, калека,
Спешу под благость куполов,
Крещение нынче — век из века
Русь в прорубь! И без лишних слов.

И я туда же вслед за всеми,
И с головой! Тревожен люд —
Вдруг не всплывёт! Под Божьей сенью
Мороз не страшен, хоть и лют.

Я выхожу из иордани,
Вперёд простреленным плечом,
И небеса целуют длани
Мне — и раненья нипочём.

Святой момент Богоявления,
И снег сияет вдаль и вширь,
Безгрешен я в момент крещенья,
И небо — как епитрахиль.

* * *

В избах лампы погасили,
На село упала мгла,
Месяц тьму не смог осилить,
В ней прижился Сатана.

И собаки в страхе взвыли,
Волки эхом им в лесу,
Глухари в ночи застыли
На деревьях на весу.

Ни одной звезды, чтоб путник
Мог дорогу отыскать,
Тьму деревне, как нагрудник
Грудничку надела мать.

* * *

Стекайтесь, мысли, в разум светлый
И будете там жить вольготно,
И оставлять в блокнотах меты
Писцом истории охотно.

И вас порадует, что Вечность
Бок о бок рядом, посекудно
Колышет небосвода млечность,
Где истины дрейфует судно.

И быть в ладу с тем самым старцем,
Кто сглаживает мыслей пики,
Обрекший сам себя на карцер —
Аскеза, чтение и лики.

* * *

Крадётся ночь по одеялу снега,
И лунный свет в кристаллах льда искрится,
Я никогда такой красы не ведал
И не мечтал, что это мне приснится.

И вот она, рекою изливаясь,
Спешит сквозь двор, мой дом и плоть живую,
Любому взгляду угодить стараясь,
Любой душе воскликнуть: «Аллилуйя!»

И осветив свеченьем ярким храмы,
Со звоном колокольным рвётся в окна,
И спящих защищает этот странный
Источник красоты и звёзд полотна.

Их небо расстелило покрывалом,
До срока зарожденья зорьки алой.
Спи, город, лес и жизнь, что изваяла —
В спасенье Мира вклад красы немалый.

* * *

Из всех живущих каждый что-то
Хотя бы раз один нашёл,
А потерять мог даже сотый
И тысячный, покуда шёл

Дорогой, что ведёт от люльки
До жизни самого конца.
Находка — как игра в бирюльки,
Потери — гонят кровь с лица.

И все, к потерям привыкая,
Чего б не дал им Бог, кричат:
«Нашёл, нашёл я кущи рая —
Вкруг церкви, где кресты торчат».

* * *

Не стремлюсь я к земному богатству,
Хлеб с икрою к столу — тем более,
Я хочу иметь постоянство
Небесами отмеренной доли.

Грустно вспомнить, как мог я не видеть
Путь, открытый мне Пастырем божьим,
Нездоровье не мог осилить,
Обрастал огрубевшей кожей.

Бог меня наделил, чем может:
И к рисунку тяга, и к слову.
Но подчас моё сердце моложе,
Муза музыки рядом снова.

Вдохновенно стихи слагаю,
И во снах украшаю клирос,
И в молитвах Христа воспеваю,
Не приемля попсовый вирус...

Дай мне, Боже, двигаться сладко
К неминуемой моей кончине,
Пусть без обуви и в заплатках,
В неосилённом божьем чине.

* * *

Не ангел я, но и не демон,
Я — жизни бедственной цветок,
Живу в её объятьях бранных
И от Творца беру исток.

Но жизни этой я не нужен
И по обочине бреду,
Купая стопы в грязных лужах,
Больной — в горячечном бреду.

Всё чаще сточные канавы
В свой мрачный Ад меня зовут,
Вкусить от сатанинской славы
И в ней душе найти приют.

Но небо, девственною синью
В свою заоблачность маня,
Рвёт Сатаны посул. Бессилен
Я знать, кто в самом деле я.

* * *

Который год сажусь в Сочельник
Писать о чуде Рождества,
Что белым стал зелёный ельник
От снежной выюги озорства.

И всё считаю дни до срока,
Когда наступит Рождество,
Проникнув сквозь завесы окон,
Являя чуда естество.

И свечку у божницы правлю,
По строчкам Библии скольжу,
А вдруг, вне всех библейских правил,
Волхвов озябших разгляжу.

И трудно мне бывает очень
Не впасть средь зябкой ночи в сон,
Пока не изольётся в очи
Мне свет звезды — Христос рождён!

Снежинки

Снежинки — это дети поднебесья,
Летят, искрятся разными цветами,
И на лице их поцелуи тают,
И отдаюсь общению с ними весь я.

Мне так приятно встать, раскинув руки,
И ощутить их детские касанья.
Не близок путь из центра мирозданья
К земле, ко мне — миг встречи и разлуки.

И плачу я, постигнув в том святое,
Как плачут дети, щёки омывая
Слезами непостигнутого рая,
Сливаясь с солью вечного покоя.

* * *

Прошу тебя, Господь, дай сил мне жить,
Как хочешь ты, по заповедям строго:
Иметь жену, детей, и, может быть,
Достатка бытового, хоть немного.

И пусть мне боль указывает путь,
По правде я живу, иль ошибаюсь?
Господь всеильный, милостивым будь,
С твоей поддержкой выжить я пытаюсь.

Веди меня путём своим, веди,
За руку взяв иль ухватив за шкирку,
И весь я твой на том святом пути —
Со свечкою, иконой и просвиркой.

Побег

Наконец-то ушёл, убежал, оторвался
 От сует городских и от выхлопов едких
 Разномастных машин, среди которых метался
 Каждый день, каждый час в позолоченной клетке.

Наконец-то сажу на разбитой скамейке,
 Но в саду, где буянит цветением слива,
 И надеты на мне полинявшие треники
 И рубашка без формы и цвета, на диво.

Только сердце поёт впереклик с птичьей стаей,
 Только грудь наполняется воздухом пряным.
 Кто меня и за что урезонивать станет?
 Разве только заката оттенок багряный.

Наконец-то ушёл, убежал, оторвался,
 Наконец-то приник к светлой стати природы,
 На черта этот город? Я здесь бы остался,
 В этом дивном саду Богом данной свободы.

* * *

В темноту? Так давайте в неё,
 С головою, до самого дна!
 Усыпляющий голос поёт
 Там, в фантазиях страшного сна.

Там живёт в полной тайне страна,
 И живой-неживой весь народ,
 И на всех темнота — одна,
 Та, что сеет, и та, что жнёт.

Присмотрись, приглядись-ка к ней,
 В темноте разомкнув глаза,
 Она — лучшая из затей
 Тех, чем Бог нас всех наказал.

Грешен тот, кто сном увлечён,
 Свят, кто в бдении каждый миг.
 Темнота — Сатаны расчёт,
 Ну а бдение — свет и стих.

* * *

Сгорает сердце в пламени любви,
Хотя ему по сути надо мало,
И ты, моя родная, не реви,
Что для меня на свете главной стала.

И что тебя я не спускаю с рук,
Баюкая и нянча, как ребёнка,
Оберегаю от житейских сук,
Чтоб в этой жизни ты смеялась звонко.

Я для тебя и мама, и отец,
И муж, что всё отдаст за счастье в доме,
Во храме нас соединил венец —
Любви хранитель трепетной, исконной.

* * *

Не надо смотреть на меня с подозреньем,
Нисколько беды я в ваш дом не внесу,
Уймите в сердцах своих страх и сомненья,
Ведь вы среди людей, а не в тёмном лесу.

Я меченый Богом, и благодать струится
Из сердца горячего моего,
Впустите меня и откройте страницу
Слияния мыслей с наказом Его —

Любить всех на свете, любую из тварей,
Что создал Всевышний на грешной земле,
А я же больной, обессиленный странник,
Меня приютить Иисус сам велел.

Спасибо за то, что меня приютили,
В светлице избы усадили за стол
И покормили, и Бога молили,
Чтоб именно к вам — я, болезный, зашёл.

* * *

На небе россыпь звёзд полночных
Подарена без меры всем,
И у природы красок сочных
На всех хватает, без проблем.

Но только мне вот это надо,
В одном флаконе вся и всё —
И фейерверки звездопада,
Под солнцем птицы и жнивье.

Я тот, кому дано словами
Всем чувствам дать единый кров.
И тот, кто нынче рядом с вами,
А завтра — посреди веков.

Зной

Задохнулся храм от зноя,
И над маковкою крест.
Звон к обедне — сердце тронет
Но, придёт ли кто, уронит
На грудь даже перст?..

А не то чтоб троеперстье, —
Зноем дышит вся земля:
И ближайшие поместья,
Города, деревни, веси,
Горы, доли и поля.

Что поделаешь, молитве
Зной поддаться не спешит,
С Денницей в смертельной битве
Бьётся Ангел тот, чей щит
Стал подобен острой бритве.
Но победу не вершит...

* * *

Звучит церковный благовест,
К молитве призывая паству,
Средь паствы — парочка невест
И среднего достатка каста.

И женихи их круга тут,
И званые на свадьбу дружки...
Все в церковь! Там уже поют,
«На Храм» — серебряные кружки.

А вот и батюшка с крестом,
С благоухающим кадилом.
Взглянул он в кружки и перстом
Повёл, чтоб вон все уходили.

* * *

Какой бесславный день был прожит,
Никчёмный, серый и пустой.
Его пустил я «на постой»
В свой дом, прошедшее итожить.

И к прожитым часам припал,
Стараясь в них заметить что-то
Полезное. Но та работа —
Всему разумному провал.

И брови сдвинув, губы сжав,
На день прошедший я ярился
И словом матерным бранился,
И грязи выплеснул ушат...

А он и так был сер и пуст,
Как прежде — месяцы и годы,
Любви к себе не знавший сроду,
Моих он жаждал бледных уст.

* * *

Пасхальный звон вокруг меня
Плывёт, окрестность наполняя,
И заполняет поры дня
Мелодией Святого Рая.

И кто б ни слышал этот звон —
Взгляд в небеса подняв, крестился
И ближним храмам клал поклон,
И тихо про себя молился.

А дом наш, разговляясь Пасхой,
Пил чай с ванильным куличом
И яйца с луковой окраской
Вкушал с душою горячо.

* * *

Как хорошо молиться в храме,
И свечи к ликам возжигать,
Но я неверьем в сердце ранен,
Что непорочна Божья Мать.

И что Христос, на крест восшедший,
На нём и умер, но воскрес,
Не верю, видно, сумасшедшим
Я стал. И мною правит бес.

И во Святого Духа тоже
Не верю! Был ли Иордан?
И голубь на Христовой коже
Оставил ли кровавость ран?

Не верю в то, о чём глаголю,
Бумаги белизну черня.
Моё неверье, верно, к горю!
Да и себе не верю я...

* * *

Светало. Ночь съедал рассвет,
По кромке горизонта красным
Вставало солнце ... Нет? «Да, нет!» —
Сова заухала вдруг басом.

И вот, как на крещендо, вмиг,
Оркестр внезапно птичий грянул,
И солнце показало лик,
С небес откинув одеяло.

Восход, природу осветив,
Умыл всё влагою тумана,
Больших деревьев свежий лик
Открылся взору без обмана...

Всё это видел я не раз,
Природой сброшенную маску,
Но лишь сегодня — в сердце Спас
Открыл мне эту чудо-сказку.

* * *

Дождь за окном, в душе скребутся кошки,
Забыта радость милых, тёплых дней,
И даже на ветёлке за окошком
Мне не выводит трелей соловей.

В кустах озябших вымокшая кошка
Приюта просит, жалобно крича.
Открыл ей дверь, пусть высохнет немножко,
Ведь Божья тварь, и нужен ей причал...

Как скверно всё! Всему виною дождик.
И нет просвета в тёмной хмари туч,
И остаётся лишь просить: «О, Боже!
Пошли на Землю тёплый Солнца луч!»

* * *

Я день-деньской хожу по кругу,
То в ближний храм, то на базар,
Купил я у ловца пичугу,
Хотел оставить храму в дар.

Но мне в притворе объяснили,
Два прихожанина — ни-ни
Нести во храм, кого пленили,
Не примут этот дар они.

И я открыл рукою дверцу
Узорной клетки небольшой,
И озарила радость сердце,
Запела птичьей душой.

Она так пела, будто воля
Сошла с небес на этот храм,
На лес, на дальний выгон поля...
И волю ту дарила нам.

* * *

Евангелисты смотрят прямо
В глаза любому прихожанину,
Их взгляд, божественно упрямый,
Пронзит до дрожи, до испарины.

И внемлешь мелодичным гласам
Матвея, Марка и Луки,
И Иоанна, пеня асы
Они — молитвы соловьи.

Во всех без исключенья душах
Враз умягаются грехи.
Для тех, кому дал Боже слушать
И слышать светлые стихи.

* * *

Светло в Свято-Троицком храме,
Горящих свечей сладкий дым,
Здесь ангелы рядом — меж нами,
И тело объято святым.

И каждый, входящий под своды
Роскошного храма, так мал,
Но дух его свято-свободный
Витает, где сам пожелал.

И я, обуянный волненьем,
С поклоном кладу ликам крест
И слышу под сводами пенье,
И вижу пространство небес.

* * *

Душа чиста, как первый снег,
Когда рождается ребёнок —
Улыбка, радость есть в ней, смех,
Любовь к родителям с пелёнок.

Ничем её не очернить,
Она живёт под дланью Бога
И благодать желает пить
Дыханьем ласкового слова.

Но жизнь в себя впитала всё:
Любовь и чёрное, и злое.
И в душу светлую несёт
И доброе, и наносное.

И надо помнить нам всегда,
Кто повзрослел и думать может —
Потока грязная вода
На свет Души — не дай-то Боже!

Пусть будут помыслы чисты
Для всех всегда
на белом свете,
А злобы чёрные листы
Сгорят, а с ними Ада сети.

* * *

Ты знала, я приду — ты точно знала,
Как жаждал я, чтобы и ты пришла
Туда, где некогда любовь познала
Твоя ещё безгрешная душа.

И понял я, как важно быть любимым.
О, как прекрасно было нам вдвоём!
И наших душ порыв неодолимый
Горел своим немислимым огнём.

И мы считались мужем и женою,
Впав в этот сладостный и тяжкий грех,
Но время разлучило нас с тобою...
Как жаль, ушла чреда былых утех!

Но случай свёл нас вновь — небес стараньем,
И соприкосновенье наших рук
Дало надежду — будет вновь свиданье...
Что скажет твоё сердце, милый друг?!

* * *

Седой туман обнял за плечи вечер
И с каплями дождя увёл в глухую ночь.
Мне не спалось, сомненьями повенчанный,
Лежал и думал, как себе помочь.

Корёжило суставы непогодой,
И сердце барабанило не в ритм,
И жизнь ползла к отмеренному году,
Где нет красивых образов и рифм.

Я вспоминал, но память избегала
То время, когда молод был и смел.
И страсть во мне, как музыка, играла,
В сплетении со мной девичьих тел.

Я знал, что всё прошло, но до рассвета
Пытаться буду это вспоминать
И слушать пульс, и ненавидеть Лету,
В которую мне надо утекать.

* * *

Прижми меня к груди сильнее,
Как сладостно мне быть с тобой.
По жизни мы, от счастья млея,
Пойдём дорогою одной.

Пускай беснуются злословы,
И пусть смеются дураки,
Мудры с тобою мы, как совы,
Ничто глупцы нам и враги...

Любовь была, и есть, и будет,
Её за счастье нам стяжать.
И только время нас рассудит,
Любовь желавших удержать.

* * *

Довольно! Можно отдохнуть
И не писать о счастье лета.
Но каждая дорога — путь,
Из мрака сотканный и света.

И ты, избрав творенья путь,
Иди им в ведро или в грозы,
Понять стараясь его суть —
Какие он несёт угрозы.

И не смотри, что сердцем слаб
Ты, собиратель добрых мыслей,
От гроз житейских липких лап
Добра защитой станет истина.

* * *

За окнами сплошная тьма,
И то понятно — ночь в разгаре.
И нечестивица сама,
Старуха-смерть в своём угаре.

Кому она удар несёт?
Кому инфаркт в груди поселит?
И все препятствия снесёт
Её убийственная челюсть.

Но, Боже! Что за колдовство!!!
Она, щетинясь, отступает.
И красным всполохом восток
По смерти реквием играет.

* * *

Душа — как чувств, сомнений сгусток,
В ней Зло с Добром переплелись,
Она в любое время суток —
То Ад, то Рай, то дно, то высь.

Прикрыта плотною завесой
Из кожи. Там внутри кипит
Борьба меж Ангелом и Бесом.
Как знать, кто нынче победит?

А крест нательный мой темнеет,
Не факт, что это хворь телес.
Но кто предположить посмеет,
Что победил в итоге Бес?..

* * *

Когда ты рад всему, что есть на свете,
И что природа-мать нам в долг дала,
Тебе и солнце ласковее светит,
И благостней звонят колокола.

Когда душа твоя темнее ночи
И сердце обгоняет метроном,
Печальной дымкой застилает очи,
Что хочется забыться вечным сном.

Но коль в тебе живёт и То и Это,
Ты вправе похвалить за всё себя,
Ведь, может, лучик утреннего света
Последним будет на закате дня.

* * *

Я выхожу из храмового тела,
В душе царит божественный покой,
Кипит весна, считай, уж откипела,
В округе лето встало на постой.

С благоговеньем, взгляд подняв на небо,
Глаза от солнца заслонив рукой,
Как долго храм Господний во мне не был,
И от того был в сердце непокой.

Не отвратить меня от веры в Бога,
От православной истины Его,
И я спускаюсь вниз — светла дорога
К основам крепким Храма моего.

* * *

Не надо зла и суесловий
Вокруг моей фигуры более,
Не из дворянского сословья
Я вышел. Рад творцу и воле.

Пусть слаб физически, но духом
Меня нельзя перебороть.
И внутренним чутьём и слухом,
Уверен, крепнет моя плоть.

Хоть зрелые свои я годы
Несу на сторбленных плечах,
За мною — храмовые своды
И вера в Бога каждый час.

И ЛИШЬ СО СЛОВОМ
«РУСЬ»

* * *

Сиреневое ма́рево стоит над полем клеверным,
И не проехать мимо, не подивившись им,
Оно слегка колышется, то с юга, а то с севера,
Весенне-летним ветром прозрачно-голубым.

Как хочется с разбега мне упасть в луга духмяные
И сердцем необъятную их ширь как есть объять.
Взглянуть на небо синее, застывшее, стеклянное,
И солнцу золотистому себя дать приласкать.

Лечу, лечу мечтая, над пёстрою землёю,
И каждую травинку желаю целовать,
И, кажется, огромная Россия предо мною,
Протягивает руки мне, как в светлом детстве мать.

* * *

Зажги свечу, во Храм входящий,
Её огонь — о ком-то память,
Жива она, пока, чадаящая,
Совсем огарком малым станет.

Но Храм живёт своей свободой,
Любой возжегший в нём свечу
Души покой найдёт под сводами,
Поддержку своему плечу.

И даже если гаснут свечи
В момент закрытья храма — знай:
Тебя минутой каждой лечит
Своей любовью светлый Рай.

И лишь со словом «Русь»...

Я льстивых слов боюсь,
И грубых не приемлю,
Но лишь со словом «Русь»
Отождествляю Землю.

И лишь со словом «Русь»
Отождествляю небо,
Лесов осенних грусть
И куст цветущей вербы.

Где слов таких сыскать,
Чтоб было всем понятно.
Я убеждён, что Мать
И Русь — одно понятие.

Вновь Родины сыны
Подняли Русь из праха.
И нет такой хвалы,
И нет такого страха,

Чтоб возвеличить Русь
И не позволить сгинуть...
Я вязью слов боюсь
Покров небес отринуть.

И пусть слова звучат
Обыденные — твердо.
Русь будет отвечать
Колосьями на зерна.

Русь будет, есть, была —
Я был, я есть и буду —
В потомках, их делах,
В святой Отчизне... Всюду.

* * *

Вознёсся к небу меч возмездья
И без разбора всех подряд,
Карал, кто злом всечасно грезил,
И кто с добром жить был бы рад.

Что меж собой не поделили
Слепые люди те и те?
Зло — не добро: всегда служило
Раздору, боли и беде.

И льётся кровь на тело пашен,
И всходы ненависть даёт,
И гибнут в бойне братья наши,
Славянский родственный народ.

* * *

Добром бы порешать всё надо,
Но это не произойдёт:
Братание небес и ада,
И дело вновь к войне идёт.

О, как же русским надоело,
Чтоб право жизни отстоять,
Вести войну, и — «знамо дело» —
И убивать, и умирать...

Но мир, сбесившийся от жиру,
В грехах погрязший, хочет взять
Русь вновь за «становую жилу»
И в плоть кровавую связать.

* * *

Нашкодила жизнь, заигралась
С моею никчёмной судьбой,
Оставив мне самую малость —
Всегда оставаться собой.

Сквозь сжатые зубы до боли
И непрестанные стоны
Несбыточны думы о воле
От этих страданий исконных.

Но вера всегда оставалась,
И видел я в том утешенье —
Судьбины жестокою шалость
Принять, как от Бога решенье.

* * *

Дана мне Богом женщина моя,
Возможно, что она ещё ребёнок,
Но ведь судьба у каждого своя,
И быть моей ей суждено с пелёнок.

И я всё жду. Согбенен, сед и мудр.
И верю в то смешенье поколений,
Когда мне ангел чист и златокудр
Представит миг прекрасного явления.

И ни толпы зловещий, злобный хор,
Ни вид мой повидавшего всё мужа
Не оскорбят её любви взор,
Доказывая — только ОН мне нужен.

* * *

Ты ничего не доказал
Кому-то, в том числе себе,
То, что и в сердце есть металл,
И в несложившейся судьбе,

И в судьбах тысячи других,
Утяжеляя капли слёз,
Покрытый ржавчиной, иных
Эмоций в души не привнёс.

Металл, что мышцы все сковал
И давит на живые клетки,
Без разницы, хоть малолетке
Или тому, кто аксакал.

* * *

Сижу и думаю опять:
Писать про жизнь мне нужно ль всё же?
Иль, просто проживая, ждать
Конца, на смертном одре лёжа.

И не хвататься за перо
В час, продиктованный мне Богом,
И петь благословенным слогом
Иль злым, бездушно и серо.

Не знаю, что подарит день.
В объятиях ночного бденья
Я жизни собираю звенья,
Хоть вознесён Судьбы кистень.

* * *

Мне так привычен бег —
Разбег меня страшит,
Спурт! Из раскрытых век
Щекой слеза спешит.
И ветер, подобрав
Её, ещё живую,
Испытывая нрав
Свой, шепчет: «Иссушу я».
И бьёт её о столб
Иль в пыль дорог роняет,
И шёпот его смолк,
Живое — умирает.
А я привычный темп
Беру дневного кросса,
Но спурт! Я там ослеп,
И хлещет кровь из носа.
Привык я всё терпеть:
И спуски, и подъёмы.
Что жить, что умереть —
Мне это так знакомо.
Но страшен мне рывок,
Ведь должен быть я первым.
Спурт, он на малый срок
Рвёт мышцы, душу, нервы.

* * *

Стреляйте, но не промахнитесь,
Жить раненым — ужасней смерти.
Мишень я, видимо, вы свыклись
С моим уделом жалким этим.

Да, я — мишень, но не простая,
Я кем-то, но оберегаем.
Быть может, чёрных бесов стаей,
Быть может, ратной силой Рая.

А, может, просто я везучий,
Ведь выжил же в горах Афгана,
Когда свинец роился тучей,
Желали смерти мне душманы.

Но только и смогли, что ранить,
А жить с раненьем — хуже смерти,
И тем же вновь меня тиранят —
То ль ангелы, а то ли черти.

* * *

Я тот, каких убивают,
Которого ты убиваешь,
Секунды выстрела тают,
Не убежать им, ты знаешь.

Время — жизни основа,
Тюремных шагов — мили,
Почему не стреляешь снова?
Может, расстрел отменили?

Какого же чёрта тянешь?
А не обрадуешь, милый,
Командой «Стоять!» И грянет:
«Расстрел тебе отменили»...

* * *

Что-то мне сегодня плохо,
На сердце и в голове
Поселилась злоба-кроха,
Не изгнать её в мольбе.

Вот и гложет, вот и гложет
Незатейливый мой ум,
Душу добрую тревожит
И вершит над сердцем глум.

Что тебе, скажи мне, надо?
Я давно как лунь седой,
Неужель прийти ты рада,
Смертью лютою за мной.

* * *

Я сам себя давно похоронил,
И это далеко уже не тайна,
И прожил я как будто бы случайно,
Взяв время в долг у алчущих могил.

Мне нечего сказать и я молчу,
Забиться в плаче тоже нету смысла,
Тень чёрного затмения повисла,
Чья тяжесть мне совсем не по плечу.

Но то, что носит лысый череп мой
В глубинах мозга и самой подкорке,
Известно лишь тому, кто на закорках
В период откровений нёс домой

Упившееся тело в хлам и вдрызг,
Которое, рыдая, вспоминало
И жён развратных (было их немало),
Войну и смерть в кругу кровавых брызг.

Но тот, кто мог всё это рассказать,
Уже который год «покоен с миром»,
И мой черёд прощаться с милой лирой
И руки на груди бинтом вязать.

Не надо плакать, незачем... кому?
Я прѳжил, словно кошка, сотни жизней,
Рождался, и не раз, служба Отчизне,
Я видел Бога, видел Сатану.

Ни тот и ни другой — не для меня,
И грех во мне, и ипостась святая.
Поэтому давно я умираю,
Ни свет, ни тьма, увы, мне не семья...

Я сам себя давно похоронил.
И как же жить?.. О, дай мне, Боже, сил!

Пророк

Меня понять несложно,
Я объясняю точно,
Что где сказать вам можно,
А где-то — даже срочно.

Где промолчать в смятенье,
От чувств тех, что нагрывают,
Где выразить сомненье,
А где-то — быть упрямым.

Я всё могу, поверьте,
Расставить как по нотам,
Но только вашей смерти
Дать дату — нет охоты.

* * *

Мне с тобой ничуть не страшно
Быть хоть где и хоть когда,
Образ твой любовью крашен,
И, надеюсь, навсегда.

И тебя я, как голубку,
Сквозь озлобленность несу,
И целую нежно в губки,
Вознося твою красу.

Только счастье без несчастья
В жизни всё же не бывает,
И любовь вдруг в одночасье
Зло людское убивает.

* * *

Нахлынуло и отпустило —
О, чувств непознанные токи!
Густеет кровь, кипят чернила
От вывертов твоих жестоких.

Давно прошло, но не забылось,
Казалось, бывшее... Теперь
Нахлынуло! Змеёй извилось,
Что в списках числится потерь.

И просит душу со стенаньем
Забыть плохое и вернуть —
И чувственность, и обаянье
Тех дней, когда был общим путь.

* * *

Ты прости меня, что я не тот,
За кого меня ты принимаешь,
Я в душе — Иуда и урод!
Ты об этом вряд ли ещё знаешь.

Я тобой, как вещью, откуплюсь,
За кусок земли под терем новый,
Слово дам, на образ покрещусь.
И отдам фату и к ней обновы.

Вот таким уж уродился я,
И Христос меня любил сильнее,
Только в Книге книг спит смерть моя,
Я и без тебя прожить сумею.

* * *

Себя не надо трогать,
А побережь себя,
Ведь больно даже ноготь,
Не обезболив, снять.

Храни себя, сколь сможешь,
Хоть мало сил — храни!
Тогда и подытожишь
Ты прожитые дни.

А если нет желанья,
И жить так нету сил —
Оформи завещанье
Тому, кого любил?

Завещание

Сложи на грудь мне кисти рук —
Оставь ромашковые запахи.
Услышь волнение и стук
Стекающей от сердца патоки.

Поля российские испил,
Подобьем пчёл, её хранящих.
В степном краю гнездо я свил,
Как пращур, русич настоящий.

Я так любил их и берёг,
И кровью защищал от вóрога
Луны плывущий в небе рог
И солнце, звёзды, всё без торга.
Их мне вручил Владыка Бог.

Засада

Строились солдаты для похода,
Впереди их, статен и красив,
Был их командир, пока что взвода,
Ну а в скором будущем — комдив.

Ничего плохого не сулило
Солнце. Лето, в общем, благодать,
Но гнездо несчастье уже свило,
Чтобы силу силой наказать.

Недалёк поход, но не прогулка.
Средь зелёных молодых ветвей,
Смерть стоит за каждым закоулком,
Вырубок берёз и тополей.

И взялась война тогда за дело —
Выстрелы и стоны, грохот, крик,
Лейтенант лежит смертельно белый,
В генеральском звании старик.

* * *

Солнце не жалело никого в округе,
Стрекотал кузнечик в выжженной траве,
Стебельки пожухли и свернулись в дуги,
Наверху ни облачка в знойной тишине.

И куда от зноя этого мне деться
И спасти ту живность, что ещё жива?!
Вспомнилась Россия,
 вспомнилось мне детство,
Где росла по пояс сочная трава.

Здесь в Афганистане, словно Ад крошечный,
Льётся с неба солнце, чем его унять.
А когда на горы ночь падёт неспешно,
Холодом покрыта вся земля опять.

Днём в зиндане тесно, днём в зиндане душно,
Холод ночью рыщет по плечам моим.
Я ползу по кругу, разрывая душу
Крик летит отчаянья к звёздам ледяным.

* * *

Не троньте душу воевавшего,
Она и так черным-черна
От автомата, в цель попавшего,
Там, где тела и черепа.

И орден надо ль в лацкан ввинчивать?
И тем ему напоминать,
Как, стоя над телами, взвинченный,
Он слова вслух не мог сказать.

И всех парадов он чурётся,
Звук труб, литавр — надменный звон.
И ничему не улыбается,
Не человек — убийца он.

* * *

Не спрашивай меня, я жив иль нет?
Ведь шевеленье губ — не признак жизни,
Той, о которой говорил поэт
Стогласно — о служении Отчизне.

Служу, но так, что стыдно мне подчас
За труд мой малый для большой России.
Я слово часто понимал как Глас,
Рокочущий с необычайной силой.

О, Боже! Я один лишь думал так,
А для другого сказанное — лепет,
Не то, не так, и многое не в такт
Текущей жизни этот малый лепит.

Не спрашивай меня, я жив иль нет?
Скорее — нет, в делах коль нету прока.
Родной Руси мой не заметен след...
Иль это рассуждение до срока?

* * *

Все бывшие мои друзья
Сегодня недругами стали,
Лишь потому, что нынче я
На всех «клыки» свои оскалил.

И не беда, что перечесть
Их и ребёнку силы хватит,
Но я оскалился за честь
Той, что «по гроб доски» мне матерь.

Её я Родиной зову,
Живущей в обнищанье слёзном,
Её мечтаю наяву
Увидеть я в полёте звёздном.

И за неё я жизнь отдам,
Противников порву на части...
И здесь мой рай, и я — Адам,
Живущий с Евой в лоне счастья.

Родина

Зачем ты меня обижаешь?
Тебе я добра лишь желаю,
Ты словно собакою лаешь,
Я стар и болею от лая.

Здоровье и силы, и годы
На нужды твои я растратил,
Чтоб прочь уходили невзгоды —
Как мог, жизнь безбедную ладил.

Теперь у меня нет уж мочи
Закинуть в пучину жизни
Мой порванный невод и молча
Ждать благости от Отчизны.

* * *

Не надо плакать надо мною,
Не заслужил я слёзы эти.
Я ничего уже не стою
В объятьях жарких губ планеты.

Да, был когда-то кем-то, даже
Аршином чьи-то судьбы мерил,
В начальственном безумном раже
Приказывал и в это верил.

А нынче я — старик никчемный,
Теперь которым помыкают,
И вывод делаю плачевный —
Судьбы превратность убивает.

* * *

Я жизнь прожил и, кажется, не зря,
В раненьях и мученьях, но как надо.
Не спал порою, ждал, когда заря
Взойдёт, закрыв мерцанье звездопада.

И песен соловьиных вдоволь пил,
Лечил росой израненные стопы
И в чувствах полноценной жизнью жил,
Хоть слышал за спиной нелестный ропот.

Двух сыновей взрастил — не абы как,
А как должно — в звено Российской рати.
Я жизнь свою прожил не кое-как,
Не смерть страшна — больничные кровати.

* * *

Я сегодня не очень хорош —
Ни собой, ни душой, ни умом.
Не ценю я и в ломаный грош
Бывший лучшим отеческий дом.

Мне не в радость ничто и никто,
Всё не так, как бывало всегда.
Моего процветанья исток
Погубила безволя вода.

И сижу, и гляжу в Божий мир,
Как ненужный ему элемент,
За спиной козлоногий сатир
И вакханки потерянных лет.

* * *

Как баба, выл в окошко ветер,
То затихал, то с новой силой,
Тот звук его мне в сердце метил,
Такой моей душе не милый,

И мозг грызущий, и усталый,
И скорбный, будто у могилы.
Как хорошо сейчас я спал бы,
Пусть выл бы он хотя б вполсилы.

Стена надвинулась угрюмо,
И тренькнула в шкафу посуда,
И окна настезь! В раже глума
Сковала грудь мою остуда.

* * *

Вдыхаю терпкий запах кофе,
Смотрю в открытое окно
И вновь при каждом тяжком вздохе
Я в мыслях вязну глубоко.

От всех несбыточных надежд
И от больничной суеты,
От всех глупцов, от всех невежд
Бросаюсь в нишу пустоты.

Перестаю ушами слышать
И говорить, и осязать,
Никто меня не смог услышать,
А я же — ничего сказать.

Мои глаза в полоне грусти
И крепкий кофе не спасёт,
Ад из объятий не отпустит,
И Бог к себе не призовет.

* * *

Когда-нибудь я стану камнем,
Руды вкраплением бесполезным.
Мы все когда-то в Лету канем,
В её прожорливую бездну.

И не уйти от этих правил,
Кто как бы в жизни не старался.
Я, камнем став, руду б прославил,
Другой — лежать песком остался.

И думаю, вздыхая томно:
Себе я этим жизнь продляю...
А где-то в адской пасти домны
Я, может быть, уже сгораю.

* * *

Боже, как кругом красиво,
Здесь бы взять и умереть, —
Храм вознёсся ввысь на диво,
Чтоб молитвы Богу петь!

А кругом холмы крутые,
Изумруд травы по ним,
Купола церковей златые,
Где иконам жить святым.

Дух любви над местом этим,
С колоколен звуков медь,
Лучше блага нет на свете —
Здесь хотел бы умереть.

* * *

Слезится кран, глаза на мокром месте
И плачут за окошком небеса —
Я одиноким стал, а были вместе
С тобою — жизнь, считай, «глаза в глаза».

Но пряный запах забугорной жизни
Тебя в края далёкие увлёл,
И я один (калека, бездарь, шизик) —
Былой любви потухший уголёк.

А ты как там, без моего присмотра?
Ведь и у моря шанс велик простыть,
А на руках чужой по крови отрок,
Которого приходится растить.

Да и язык, тебе он тоже чуждый,
А вспоминаешь ли ты наш родной?
Когда после ранения — недужный,
Просил тебя: «Народную мне спой!»

И пела ты, и с болью плоть прощалась,
И птахи подпевали на лады,
А нынче ты словесную прыщавость
Используешь в стране морской воды.

Родной язык тогда лишь вспоминаешь,
Когда письмо в мой адрес снова шлёшь,
Меня с любовью «мило» вопрошаешь:
«Калека, бездарь, всё один живёшь?»

* * *

Покос на днях был, пахнет сеном
И свежескошенной травой.
Идёт за косарями следом
С граблями бабок ветхий строй.

Но ворошат его с пристрастьем,
На зиму сено — хлеб скоту,
Дышу озоном я — за счастье
Мне отдых выдался в году.

Грачи горланят и кружатся,
И тоже ищут свой прокорм.
Как тут в Россию не влюбляться —
В поля и жаворонков звон?!

* * *

Слепи свой образ из слов обычных
И ничего в них не привнеси
Из тех, жаргонных и неприличных,
Чьи звуки рвутся «до небеси».

Там всё услышат, там всех осудят,
Но дай-то, Боже, чтоб — не меня.
И радость в сердце моё прибудет
Улыбкой счастья и Бытия.

А напишу я про дом отцовский,
Про нашу светлую нищету,
Старость тяжкую, чей лик неброский,
Седой, но видимый за версту.

* * *

Я, пожалуй, пойду. Облачившись в походное платье,
И на луковку церкви с крестом покрещусь.
Меня примет к себе вольный ветер-скиталец в объятья
И в поход позовёт православная Русь.

Знаю, я не вернусь в те места, где родился,
И могил своих предков — с тоской не коснусь.
Я всё дальше иду, мой костюм изнашивается,
И всё ближе ко мне православная Русь.

Мои думы стремятся к мечте безраздельной —
Посетить каждой церкви притвор — но, боюсь,
Не достанет мне жизни, чтоб все колыбели
Всех церквей обойти мне позволила Русь.

Но один ли такой я у нашей Отчизны?
Каждый час и мгновенье, но кто-то в пути,
Разделивший с Россией все тяготы жизни,
Чтоб потомкам всегда светлой Русью идти.

СЛОВ ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНЬЕ

* * *

Хочу писать прекрасным языком,
Чтоб вязь стихов летела паутиной
Меж небом и землёю — высоко,
Чтоб слов сплетенье зазвучало гимном.

И, заполняя весь земной простор,
Он обнимал и гладь морей и горы,
Лесов, полей несметные просторы —
От птичьих гнёзд и до глубоких нор,

Людей, сошедших с праведной стези,
Парил над ними звуками, словами.
И, словно птицы, ввысь взлетать могли,
И равный разговор вести с богами.

Но даст ли Бог мне сил преодолеть
Прекрасных слов земное притяженье?!
О, как же я хочу Песнь песней петь.
С названьем неземным стихотворенье!

* * *

Я так хочу любить её,
Которую ещё не знаю,
Но верю, песню пропоёт
Любовь к ней — присланной из Рая

На землю только для меня,
Объятою желанной негой.
И в мае, в середине дня,
Мы — словно Альфа и Омега.

В глаза друг другу лишь взглянув,
Сожмём без страха наши руки,
И в них навечно утонув,
Забуду я печаль и муки.

И счастье в дом, как никогда,
Зайдёт ко мне, чтобы испить,
Боль благодатного труда,
Я так хочу её любить!

* * *

О, что со мной? Не знаю.
И что с душою сделал?
Я лишь о ней мечтаю —
Её желаю тело.

Прекрасней, чем богиня,
Она, что солнце, светит,
Повсюду её имя
В меня стрелою метит.

Чего хочу — исполню,
О чём мечтал — достигну...
Её в седую полночь
Я от и до постигну.

* * *

Ветер носит промокшие листья по городу,
И стекло запотело от слякотной стыни.
И ветла опустила листованную бороду
И скребётся в окно. А мне слышится: «Ты ли?»»

Ты ли дверь отворил и прогнал в непогоду —
Не собаку, не вора, а девушку юную.
И упали с холодного небосвода
Капли слёз, осуждая затею безумную.

Разве плохо тебе было с ней это время,
Что судьба отсчитала для жизни совместной?
Ты, наверно, лишился и слуха и зрения,
Отвергая покровы царицы небесной.

В наказанье прими одиночество старости
И болезни, и муки по совершённому.
И участия не жди от других даже малости,
Умирать — от небес навсегда отрешённому.

* * *

Эй, полюбуйтесь, соседи,
Приятели и враги,
Сегодня шагает Леди
Со мною с одной ноги.

Как видится вам, не пьяный —
Я от любви хмельной!
А следом везут фортепиано,
Комод антикварный резной,

Кровать шириной в два метра,
Подушки пуховые к ней.
Горшок ночной, чтоб до ветра
Ходить нужды не было ей.

Она, между прочим, Леди,
А я — благоверный муж.
Завидуйте мне, соседи,
Враги — тем более уж!

* * *

Свернулись тучи в грозовой клубок
И падали с небес дождём холодным,
А я стоял среди поля — одинок,
Как рыцарь, ждущий боя, благородный.

С небес святых лилась дождём вода
С меня смывая все грехи и беды,
Я проживал вновь прежние годá
И был готов сражаться до победы.

И дождь как будто на ухо шептал,
Что со щитом вернусь я с поля брани.
А я стоял и часа ожидал,
Лучей златых среди благодатной рани.

Вернись...

Зайди ко мне, моя родная,
Зайди, да и останься в ночь,
И будет эта ночь святая,
Такой, что вычеркнуть — невмочь.

Из всех желаний и стремлений,
Какими полнится земля,
Ведь мы одной цепочки звенья,
С одной судьбою — ТЫ да Я.

Мы будем жить одной душою,
Одними лёгкими дышать,
Вернись ко мне и будь со мною,
Моих детей родная мать.

Не разлучить

Моя ты вся, как есть, моя,
Принадлежать другим — не можешь,
Ты — песнь ночного соловья,
Ты чувства все мои итожишь.

К тебе, единственной, одной,
Которую всегда желаю,
И в дождик летний проливной,
В снегá от края и до края.

О, Боже, кто нас разлучить
На целом белом свете сможет?
Над нами ангел наш кружит,
Храня любовь на брачном ложе.

* * *

Сегодня в ночь мне стало страшно,
И я не мог никак уснуть,
И окна, чернью ночи крашены,
Ложились тяжестью на грудь.

Мне чудились не птахи свисты,
А крики грешников в аду
И шабаш ведьм, и их монисты
Со слухом были не в ладу.

Я так боялся, что окликнут
Меня к себе через окно
Уроды с дьявольскими ликами
На самое Аида дно.

Но первый луч рассвета тронул
Провалы окон, и тотчас —
С ближайшей зеленевшей кроны
Свист соловья эфир потряс.

* * *

Я попусту не убиваю время,
Не покладая рук в работе каждый день,
Что для других непонятное бремя,
То для меня — убитая мной лень.

И кто о том плохое слово скажет?
Трудом моим изранена ладонь,
Мозолями и покаяньем ляжет
Усердный труд через мою юдоль...

И я тружусь, не зная передышки,
Успею ль всё доделать до конца,
Когда у Господа в небесной книжке
Черты погаснут моего лица.

* * *

Эх, какой я всё же недотёпа!
Что хотел внимание привлечь
Этой милой девы, своим трёпом,
Что со мной любая может лечь.

Хоть в алькóв, хоть где-то на природе...
Ну солгал себе и всем вокруг,
Всё это при ней и при народе,
Пафосно, красуясь. И не вдруг

Потерял её я, это ясно,
И ничем не возвратить назад.
В общем, на душе моей ужасно,
И который день уже подряд.

* * *

Однажды ночью с лунным светом
Ко мне вошёл один старик
И слово молвил он при этом,
И слово это было — стих.

И обратился я с вопросом
К седому старцу: «В чём грехи?»
Прошёлся он по полу босым
И книгу подал мне — «Стихи».

И понял вдруг — грешу я много,
В своих неправедных стихах.
И ту ли выбрал я дорогу?
И не забыл ли слово «страх»?

* * *

В моём жилище свет не гаснет к ночи.
Горит, пока затеплится рассвет.
Пока не убеждаюсь я воочию,
Что умершей жены в покоях нет.

Не верю я и петухам, что трижды,
Пугая нечисть, к зорьке воспоют.
Я знаю, Сатана рогатый, рыжий,
До срока прячет жёнушку мою.

Они меня со света изживают,
Уж, почитай, без малого пять лет.
А умершая — ходит, как живая,
То в ванную пройдёт, то в туалет.

И смех от потолка летит басистый
Его. От стен же — звонкий смех жены.
Вот так я и живу в избе нечистой,
При свете и без права видеть сны.

* * *

Сажали целый день картошку
На огородах дачных люди.
Понятно, вымокли немножко...
Но кто за это их осудит?

Они своею силой воли
Работу трудную вели,
Не разгибаясь в отчем поле,
Всю разом выполнить смогли.

Размяв натруженное тело,
Всему семейству голова
Сказал, чуть улыбнувшись: «Дело».
А не пустяшные слова.

* * *

Холод сочится сквозь створки окошек,
Дождь и вполнеба гроза.
А я вновь люблюсь на платье в горошек
И голубые глаза.

Хочется в их глубине искупаться,
Только затор в голове,
Мне бы разумней в тепле оставаться,
Старой и мудрой сове.

Вот и сажу, в тёплый плед обернувшись,
Пытаясь схватиться — за...
Платье в горошек, что, вяло качнувшись,
На явь приоткрыло глаза.

* * *

Как нынче сердце сладко поет,
В преддверии большой любви,
Как будто зло собою смоем,
Грехи в себе похоронит.

И биться будет ровно, чётко,
И непременно — ликовать,
И будет под его чечётку
Плясать врагов постылых рать.

А я, прижав ладонь к груди,
Вскричу: «Как всё вокруг мило!»
И где-то тихо на чужбине
Вздохнёт девица за селом.

* * *

Сколько дней прошло впустую,
С самых изначальных пор,
Когда ввёл я молодую
Деву — жёнушкой во двор.

Сколь желал я счастья в жизни
Вместе с милой испытать,
Чтобы пользу дать Отчизне
И семьёй могли назвать

Нас в округе целой люди.
Чтобы вместе мы смогли
И огонь, и холод лютый
Одолеть в плену Любви...

Не случилось, всё сожгли —
На пожарище угли...

* * *

Снова от избытка чувств
Я валюсь в твои колени
И тянусь к овалу уст
На расхристанной постели.

И желаю всю тебя
От начала, без остатка.
Гаснет поволока дня,
Мне с тобою сладко, сладко.

Засвистели соловьи,
Мне ж слышней твоё дыханье.
Руки сильные мои
Нежат хрупкое созданье.

* * *

Каков я?! Всё-таки дождался
Своих седых, преклонных лет.
А ведь и думать не пытался —
Дожить и видеть белый свет.

Сквозь резь в глазах от катаракты,
Сквозь тремор ослабевших рук.
И сердце, что стоять на вахте
Устало, замедляет стук.

Что, страшно? — Будет вам! Нисколько!
Ведь жизнь кончается всегда,
И под луною вечно только
Бродяга смерть царит одна.

* * *

Спросите, хочу ли я плакать?
О том, что жизнь не сложилась,
И что в глазах моих слякоть,
И что надорваны жилы.

Хочу, только вот незадача,
Слёзы застыли у горла,
И кровь мне по венам скачет,
И бронхи хрипят горном.

И не до слёз мне, верьте,
Хворь иссушила губы,
Просто я в миге от смерти,
А смерть всё живое губит.

* * *

Коль нет вам торного пути,
Не осознав заветной цели,
Спешить не надобно идти
Туда, пусть даже еле-еле.

То не предмет для озорства,
Скорей предмет раздумий сложных
И требований мастерства —
След верный отличать от ложных.

И только осознав, что «да»! —
Идти вперёд, чтоб ни случилось...
Ступай, где суша и вода
В ловушку вдохновений слились.

* * *

Какая красота кругом!
И хочется мне петь.
Поёт со мной и майский гром,
Его раскатов медь.

И живность, коей нет числа —
Кузнечики, букашки.
Песнь эту над землёй несла
Когорта дивных пташек.

Я причисляю голос свой
К земли разноголосью —
Ключу, что побеждает зной,
И пению колосьев.

* * *

Всему на свете есть предел:
Надеждам и мечтам, и слову,
И нескончаемости дел,
Пути к отеческому дому...

Всему, но только не Любви,
Она ничем не истребима,
И в ранней роще соловьи
Поют ей сказочные гимны.

Всему на свете есть предел,
И наша жизнь не бесконечна.
Любовь родных усопших тел
Хранится в памяти навечно.

* * *

Слава! Пою я себе — Слава!
Коли другим это трудно воскликнуть.
Я, наверное, самый главный,
И потому предлагаю вникнуть

В душу моей биографии,
Жизнью истерзанную на кусочки,
Хотя бы в овал фотографии,
Или в порядок стихов и строчек.

Ими себя я и славлю,
Другим мерить боли желанья нет.
Из мрамора стелу ставлю
На созданный строфами постамент.

* * *

Мне говорили, добрым нужно быть,
А по большому счёту — и красивым,
И все тебя тогда будут любить —
Мужчина, дева, слабый, даже сильный.

Мне говорили, доблестным ты будь,
С несправедливым миром ты сражайся,
Тогда Господь откроет сердцу путь
В свои чертоги, только постарайся.

Мне говорили, ты и так красив,
Владеешь доблестью и силой в меру,
Ты взял любви возвышенный мотив,
Так будет рядом пусть Надежда, Вера!

* * *

Красиво нынче голуби воркуют,
И мне бы так, да не с кем ворковать,
Меня любовь отвергла, где ж такую
Теперь я поменять смогу иль взять.

Быть может, некрасив собой? Возможно...
И не умён? И это может быть.
Понять мотив разлуки нашей сложно,
Но то, что было — сложно позабыть.

И я один сижу в саду весеннем,
И реквием поют мне соловьи,
Да сизари под ржавой кровлей сеней
Воркуют песни грустные свои.

* * *

Не надо плакать, всё пройдёт,
И заживут на сердце раны,
Любовь в душе гнездо совёт
И станет грамотой охранной.

От той поры, когда слеза
Была отдушиною в горе.
Язык же смерти в этом споре
И мозг, и плоть мою лизал.

Но всё ушло в небытие,
Волнение любви всемерно.
Мне органы объяла все,
В беду зарубцевавшись, скверна.

* * *

Как колет грудь в межрёберном пространстве,
И не понять: инфаркт или хондроз?
Нет, жизнь, скорей всего, не постоянство.
Сорвавшись от рождения в долгий кросс,

Она тобой как хочет, так и правит.
Иные это назовут судьбой,
Что по счетам прожитым щедро платит,
Хотя б вот этой коликкой самой.

А стану ли я с ней, как раньше, спорить?
И спор (о чудо!) выиграть сумею,
Иль дальше постигать Беду и Горе
И, умирая, молча коченеть.

* * *

Давайте встретимся когда-нибудь попозже,
Лет через двадцать пять, иль раньше чуть,
Чтоб каждый из присутствующих пожил
И понял прожитой судьбины суть.

Я разговор такой к чему затеял?
Чтобы, дождавшись каждый того дня,
Себя бывшего на себя примерил
И чётко бы ответил: «Кто есть Я».

И на меня не надо обижаться,
Меня не будет с вами в онный день...
Ну, а теперь пора и попрощаться.
Я тень кого вы знали, просто тень.

* * *

Бывает хорошо ночами —
Не спать и мыслью мозг буравить,
Склонившись, с влажными очами,
Вживаться в текст и строки править.

Пусть это нелегко даётся,
Ты пишешь, плачешь над строками,
В тиши вдруг истина прольётся,
Свалив с души греховный камень.

И вот заря над далью леса
Покров небесный осветила,
Уходит грусть, как тьмы завеса,
Надежда родилась и сила.

* * *

Скорбь, она в душе засела
И не хочет расставаться
И ни с сердцем, и ни с телом,
Хочет жить и наслаждаться.

И чем больше слёз пролито,
То ей радость и веселье,
Скорбь руками Ада сшита
И отнюдь не наважденье.

Вот и плачут люди в горе,
(А бывало, жизнь теряли...)
Глубже скорбь любого моря,
Но глубин небес — едва ли.

* * *

Давно забытые ворота
Родной избы — и без петель,
Висят на проволоке, кто-то
Так закрепил их, видно, лень

Прибить заржавленные петли
К полуистлевшему столбу,
Чтоб каждый смог себе примерить
Жизнь в этот миг в самом дому.

Но нет ни жизни, ни ухода
За домом — значит, на погост
Ушли жильцы... И год от года
Никчёмный охраняют пост

Те полусгнившие ворота
И одичавший старый сад.
Не знает время укорота,
Не повернуть его назад.

* * *

Сладкая каторга строк,
Душу мою очищает
Лишь до того, как восток
Огненно запыляет.

Лишь до того, как уйдут
В день посторонние звуки.
Строки мои живут
Под монотонные стучи

Сердца,
 что жаждет их,
Словно незрячий — света,
И рождается стих,
И улетает к рассвету!

Радостью полнится грудь,
Обострены все чувства.
Каторги сладкая суть —
В выстраданности искусства!

Глупо творить, деля
Лавры венков в смятенье,
О, как же я хочу Песнь песней петь.
В самый накал его пеня!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

КАНВА ЖИЗНИ

«Надену старую рубашку...»	9
«Неправда, что я стар и – глуп...»	10
«Раздумья предвечерние...»	11
Янь и Инь	12
«Боюсь я Каина, но больше...»	13
«Мне нужен стимул, чтобы жить...»	14
«Сверкнула звезда и упала вниз...»	15
«Мои строки с привкусом полыни...»	16
«Не бейся, птица, о прутья клетки...»	17
Свечи жечь и ждать...	18
«Смотреть на мир и видеть чудо...»	19
«И всё-таки прекрасно жить на свете...»	20
«По билету в зал киношный...»	21
Не неволь меня.....	22
«Ни в нынешнем, ни в будущем году...»	23
«Не приносите ссору в дом...»	24
«В распахнутые окна дома...»	25
«Сегодня бы мне заплакать...»	26
«Не надо руку поднимать...»	27
«Не принимайте к сердцу те слова...»	28
«Нет прекраснее дней и ночей...»	29
«Никто никогда не заставит тебя...»	30
«Мой старый пёс, твой век недолгий...»	31
«Следить за тем, как ты уходишь...»	32
Плавню спущенный курок.....	33
«Ствол, стрельбою раскалённый...»	34

«Под крышей старенького дома...»	35
«По полям, лесам, оврагам...»	36
Старость и смерть	37
«Стремительность в поступках...»	38
«Сегодня ни к чему ругаться...»	39
«На острие момента каждого...»	40
«Понтонный мост. Кричащий шум машин...»	41
Канва жизни	42
«А путь ни близок, ни далёк...»	43
«Старайся быть приятным...»	44
«Всем, кто меня когда-то знал...»	45

ОЖИДАЮ В ТИШИНЕ..

«Зябко телу, а щёки горят...»	48
Ожидаю в тишине.....	49
«Были мы с тобой когда-то...»	50
«Когда-то я был бесшабашен...»	51
«Боюсь я, или не умею...»	52
«Не хочется себя ругать...»	53
«В синеокую глубину упаду...»	54
«Песня так в душе клокочет...»	55
В зеркальном отражении воды.....	56
«Пугающе прощалось с нами лето...»	58
«Снести не в силах испытаний...»	59
«Тридцать дней я ждал приказа...»	60
«Душа потеряла покой...»	61
Просьба	62
Другой.....	63
«Предрекали мне судьбы разные...»	64
«Я уже давно не тот, кем был...»	65
«Не буду глядеть в тишину ночную...»	66
«Удержать свою гордыню...»	67

«Старайся быть на людях незаметным...».....	68
«В себе самом ищущ подказки...».....	69
«Ничто с тобою не сравнится...».....	70
«Сколько вы с меня хотите...».....	72
«Который год мне жизнь не в жизнь...».....	73
Богослов.....	74
«Суждено быть меченым судьбой...».....	75
«Прибывший поезд опоздал...».....	76
«Сын Аполлона я и Каллиопы...».....	77
«Мне сладко жить с тобою вместе...».....	78
«Моя Олешка! Где ты, Диво?...».....	79
«Я не буду восторгаться...».....	80
Дивный стан.....	81
«Прикоснись ко мне рукою...».....	83
«Ты, девочка моя, тебя я полюбил...».....	84
«Противник я того, что есть...».....	85
«Во мне живут клочки воспоминаний...».....	86
«Стремиться вперёд, изнывая от боли...».....	87
Девочка дождя.....	88
Моих иллюзий сладкий плен.....	89
«Я опоздал свой опус дописать...».....	90
Мои стихи.....	91
«Я стихов не пишу, я работаю...».....	92
Книга.....	93
«Стрела летит, взрезая воздух...».....	94
«До костей разъела рану...».....	95
«Вот и всё, рука упала...».....	97
Уменьше жить.....	98
«В небе голубом и чистом...».....	99
«Я каждый день хоть что-то, но пишу...».....	100
Простись со мной.....	101
«Классно жить на этом белом свете...».....	102

«Кружатся обрывки бумаги...».....	103
«Как я любви хочу, совсем простой...».....	104
Приди ко мне.....	105
«Свози меня на кладбище, сынок...».....	106
«С себя снимать одежды глупо...».....	107
«Я сплю порой в дни отдыха так редко...».....	108

О ПОНИМАНИИ СТРАННОСТИ

«Странные эти выводы...».....	111
«Замерцала в небе точка...».....	112
«Стремись, моя строка...».....	113
«Не целуй меня взасос...».....	114
«Окоченело сердце...».....	115
«Жена моя — давно остывшая...».....	116
«Прослезись и утри платочком...».....	117
«Солнце движется к закату...».....	118
«За стеной сосед стенает...».....	119
«С небес холодных бледный свет округу...».....	121
«Пройтись бы, на ночь погулять...».....	122
«Ногти, они так болят...».....	123
«От знойной женщины в кустах...».....	124
«Слетела фраза с губ любимых...».....	125
«"Ни дня без строчки". Ерунда!...».....	126
«Как трудно жить, не зная цели...».....	127
«Какой сегодня день — не знаю...».....	128
«Какие звуки ловит ухо?...».....	129
«Имейте совесть, не гадайте...».....	130
«На улице нету снега...».....	131
«Шелест мнимых крыльев за спиною...».....	132
Башмак.....	133
«Метель за окном средь апреля...».....	134

«Заребрились спины шпал...»	135
«Не сердись на меня, дорогая...»	136
Отрывной календарь	137
«Я хочу сидеть и пить...»	138
«Как радостно влетело утро...»	139
«Я хочу ромашек поле...»	140
«Не хочу ругаться нынче...»	141
«Очки нуждаются в коррекции...»	142
«Скучно что-то, мало света...»	143
«Хлопушек залпы во дворах...»	144
«Сирени запах, но откуда?...»	145
«Старайся быть любимым...»	146
«В пылающем рассвете меркли звёзды...»	147
«Лошадь в страхе бьёт копытом...»	148
«Ночь бросилась с небес на землю...»	149
«Смотри, какая в небе мгла...»	150
«Как же жить таким бессильным...»	151
«Свистели парни девушке вослед...»	152
«Любовью зажжённое сердце горит...»	153
«Восход скользнул багряной искрой...»	154
«Никчёмных дел никчёмный мастер...»	155
«Не иссякая, боль буравит...»	156
«Опять я рву себя на части...»	157
«Отринь моё непониманье...»	158
«Снимайте на ночь брюки, рубашки и носочки...»	159
«Я опять тону в стихах...»	160

ТАК ПРЕДУСМОТРЕНО ПРИРОДОЙ

Частичка лета	163
«Цветы луговые рассыпались вольно...»	164
«Постарайся быть счастливым...»	165
«Июнь, середина лета...»	166

«Природой ход событий вышит...»	167
«Но вот багряной полосой...»	168
Музыка дождя	169
«Степь, разбросав пути-дороги...»	170
В ожидании чуда	172
«Зима приходит и проходит...»	173
«Верно, будет непогода...»	174
«Смотрят тучи с неба в воду...»	175
«Тихо зной с небес крадётся...»	176
«Жирафьи шеи кранов вскинулись...»	177
«Сирень не цвела в жару...»	178
«Холодный ключ бил в тёплый край реки...»	179
Тьма на сердце	180
«Серый заяц станет белым...»	181
Стужа	182
«Речка судорожно бьётся...»	183
Небес творение	184
«Весна сползла со снежных крыш...»	185
«Серебряные струны рек...»	186
«Дождался! Начал таять снег...»	187
«Стекающий ветер по стёклам авто...»	188
«Закат, всё реже птицы машут...»	189
«Звезда с небес скатилась за окном...»	190
«Багровою полоской небо...»	191
«Проходит день, на плечи ночи...»	192
«В конце весны скатилось солнце...»	193
«Неспешно тёплый день ложился...»	194
«Стынь черёмуховых дней...»	195
«Как прекрасен куст сирени...»	196
«Стремительно с небес слетела...»	197
«Весна стирает грани между летом...»	198
«Как нынче слякотно и сыро...»	199
«Пора цветенья — буйство красок...»	200

«Первый ливень весенний прошёл за окошком...»	201
«Мне тишина нужна в любом пространстве...»	202
«Я пью красу родной природы...»	203
«Я слушаю природы разговор...»	204

НАШЁЛ, ПОВЕРИЛ И ГЛАГОЛЮ

Рождество	207
Крещенская метель	208
«Я не достоин писать о рождении...»	209
«Я прозреваю только тогда...»	210
«Да, вы смеётесь надо мною...»	211
«На что же ты решился, ветер гулкий?..»	212
«Я всегда был маловеком...»	213
«В избах лампы погасили...»	215
«Стекайтесь, мысли, в разум светлый...»	216
«Крадётся ночь по одеялу снега...»	217
«Из всех живущих каждый что-то...»	218
«Не стремлюсь я к земному богатству...»	219
«Не ангел я, но и не демон...»	220
«Который год сажусь в Сочельник...»	221
Снежинки	222
«Прошу тебя, Господь, дай сил мне жить...»	223
Побег	224
«В темноту? Так давайте в неё...»	225
«Сгорает сердце в пламени любви...»	226
«Не надо смотреть на меня с подозреньем...»	227
«На небе россыпь звёзд полночных...»	228
Зной	229
«Звучит церковный благовест...»	230
«Какой бесславный день был прожит...»	231
«Пасхальный звон вокруг меня...»	232
«Как хорошо молиться в храме...»	233

«Светало. Ночь съедал рассвет...»	234
«Дождь за окном, в душе скребутся кошки...»	235
«Я день-деньской хожу по кругу...»	236
«Евангелисты смотрят прямо...»	237
«Светло в Свято-Троицком храме...»	238
«Душа чиста, как первый снег...»	239
«Ты знала, я приду — ты точно знала...»	240
«Седой туман обнял за плечи вечер...»	241
«Прижми меня к груди сильнее...»	242
«Довольно! Можно отдохнуть...»	243
«За окнами сплошная тьма...»	244
«Душа — как чувств, сомнений сгусток...»	245
«Когда ты рад всему, что есть на свете...»	246
«Я выхожу из храмового тела...»	247
«Не надо зла и суесловий...»	248

И ЛИШЬ СО СЛОВОМ «РУСЬ»

«Сиреневое мáрево стоит над полем клеверным...»	251
«Зажги свечу, во Храм входящий...»	252
И лишь со словом «Русь»...	253
«Вознёсся к небу меч возмездья...»	255
«Добром бы порешать всё надо...»	256
«Нашкодила жизнь, заигралась...»	257
«Дана мне Богом женщина моя...»	258
«Ты ничего не доказал...»	259
«Сижу и думаю опять...»	260
«Мне так привычен бег...»	261
«Стреляйте, но не промахнитесь...»	262
«Я тот, каких убивают...»	263
«Что-то мне сегодня плохо...»	264
«Я сам себя давно похоронил...»	265
Пророк	267

«Мне с тобой ничуть не страшно...»	268
«Нахлынуло и отпустило...»	269
«Ты прости меня, что я не тот...»	270
«Себя не надо трогать...»	271
Завещание	272
Засада	273
«Солнце не жалело никого в округе...»	274
«Не троньте душу воевавшего...»	275
«Не спрашивай меня, я жив иль нет?..»	276
«Все бывшие мои друзья...»	277
Родина	278
«Не надо плакать надо мною...»	279
«Я жизнь прожил и, кажется, не зря...»	280
«Я сегодня не очень хорош...»	281
«Как баба, выл в окошко ветер...»	282
«Вдыхаю терпкий запах кофе...»	283
«Когда-нибудь я стану камнем...»	284
«Боже, как кругом красиво...»	285
«Слезится кран, глаза на мокром месте...»	286
«Покос на днях был, пахнет сеном...»	288
«Слепи свой образ из слов обычных...»	289
«Я, пожалуй, пойду. Облачившись в походное платье...»	290

СЛОВ ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНЬЕ

«Хочу писать прекрасным языком...»	293
«Я так хочу любить её...»	294
«О, что со мной? Не знаю...»	295
«Ветер носит промокшие листья по городу...»	296
«Эй, полюбуйте, соседи...»	297
«Свернулись тучи в грозовой клубок...»	298
Вернись...	299
Не разлучить	300

«Сегодня в ночь мне стало страшно...»	301
«Я попусту не убиваю время...»	302
«Эх, какой я всё же недотёпа!..»	303
«Однажды ночью с лунным светом...»	304
«В моём жилище свет не гаснет к ночи...»	305
«Сажали целый день картошку...»	306
«Холод сочится сквозь створки окошек...»	307
«Как нынче сердце сладко ноет...»	308
«Сколько дней прошло впустую...»	309
«Снова от избытка чувств...»	310
«Каков я?! Всё-таки дождался...»	311
«Спросите, хочу ли я плакать?..»	312
«Коль нет вам торного пути...»	313
«Какая красота кругом!..»	314
«Всему на свете есть предел...»	315
«Слава! Пою я себе — Слава!..»	316
«Мне говорили, добрым нужно быть...»	317
«Красиво нынче голуби воркуют...»	318
«Не надо плакать, всё пройдёт...»	319
«Как колет грудь в межрёберном пространстве...»	320
«Давайте встретимся когда-нибудь попозже...»	321
«Бывает хорошо ночами...»	322
«Скорбь, она в душе засела...»	323
«Давно забытые ворота...»	324
«Сладкая каторга строк...»	325

Литературно-художественное издание

Анатолий Александрович
Алейчик

НА ОСТРИЕ
МОМЕНТА
КАЖДОГО...

Стихотворения

Корректор – Ю. Л. Халфина

Составитель – А. Ю. Подушкин

Дизайн-макет, вёрстка – Г. А. Шапошникова

Подписано в печать 07.09.2018 г.

Формат 84x108 1/32

Гарнитура Petersburg

Бумага офсетная

Тираж 100 экз.

Усл. печ. л. 10,5

Заказ № 1344

ISBN 978-5-00095-618-2

9 785 000 956 18 2

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru